

Начало всех начал

Автор:

Тина Вальен

Начало всех начал

Тина Вальен

Весёлая и задорная студенческая жизнь. Главная героиня Женька дождалась своего Лорда, но он оказался героем не только её романа. Совсем неожиданно полное отчаяние закончилось вспышкой взаимной любви и нереальным счастьем, которое кончилось также внезапно. Дальше судьба выбросила только одну карту – дальнюю дорогу с авантюрным душком... Женька пойдёт по ней, чтобы вернуться к началу... Начало всех начал – это любовь. Её ждут, без неё замерзают... Согревая других, мы отогреваемся сами...

Начало всех начал

Тина Вальен

Иллюстратор Константин Арчибасов

Редактор Андрей Красильников

Редактор Елена Филина

© Тина Вальен, 2019

© Константин Арчибасов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4474-7148-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало всех начал – это любовь. Её ждут, без неё замерзают...

Посвящается моему ангелу Алёнке

Часть первая

Лето. Первый день отпуска. Уютное местечко на берегу реки. Валяюсь на золотом песочке, млею и мурлычу песенку из мультфильма: «Я на солнышке лежу... всё лежу и лежу...», – Птички чирикают, и моя душа поёт, то голосом львёнка, то черепахи. Почти нирвана, как я её могу представить. Портит радужную картину никогда не дремлющее сознание. Мозг, как трудолюбивый дятел, долбит изнутри в темечко, подводит итоги. Вяло сопротивляюсь, но память короткими кадрами проплывает передо мной.

В золотом сентябре шесть лет назад, я, Женька, нарисовалась в этом дивном крае в качестве директора детской школы-интерната, взвалила на себя неподъёмный крест и потащила его в гору. Теперь он стоит там, на воображаемой мной высоте. Только такой каторжный труд мог тогда спасти от невыносимой душевной боли.

Поставлен крест и на беззаботной юности, возвышенной романтике, утраченных иллюзиях, с одной стороны, с другой, это память трудам моим праведным. Сегодня моя самооценка бесстыдно зашкаливает за грань разумного, гармония числится в лучших подругах, а та боль, раздавившая когда-то меня, замурована в саркофаге и брошена на «самое глубокое дно, самого глубокого ущелья» внутреннего непознанного. Умерла она или спит, мне снова некогда об этом думать. Впереди новые вершины, не до неё...

Прошлое кажется нереальным. Девяносто третий год. Начало реформ, хаос в стране и полный крах в личной жизни. Сейчас трудно поверить, чтобы московскую студентку, окончившую три курса пединститута, приняли здесь всерьёз и доверили такой ответственный пост. Всерьёз не приняли, поэтому и доверили с испытательным сроком. На это были свои причины.

Интернат разваливался, директора, заслуженного учителя, Героя Социалистического Труда после очередного инфаркта отправляли на пенсию. Он окончательно подорвал здоровье, пытаясь сохранить былую славу и престиж своего детища. Зарплату задерживали по три месяца, персонал работал бесплатно в ожидании очередной государственной подачи, потому что работать больше было негде.

Два года велась настоящая подковёрная война по выдворению директора на заслуженный отдых, чтобы без него расформировать сие заведение и «прихватизировать» великолепное место под застройку элитного посёлка на берегу реки, окружённого лесом, не очень далеко от загазованного краевого центра. Война могла закончиться победой невидимых и наглых врагов. Это было ясно всем, но директор даже после инфаркта не сдавался.

Умный старик вовремя подключил сына, известного в Москве юриста, и тот нашёл выход. В порядке эксперимента интернат с прилегающими землями приобрёл статус общества с ограниченной ответственностью, исключительно в целях выживания. Директор теперь отвечал головой за всё, власть – только за мизерные нормы довольствия и за контроль. Зато убрать интернат с приглянувшихся земель стало труднее.

Кто стоит за идеей расформирования, никто точно не знал. Оставалось только предполагать, что чин высокий и влиятельный. Голова директора

ответственность вынесла, а сердце подкачало. Оставалось надеяться, что преемник продолжит борьбу за его детище. Преемника он выберет сам!

Чёрные вороны отступили и заняли выжидательную позицию на ветвях своей власти. И тут уважаемый московский друг рекомендует ему в качестве кандидата на должность неопытную студентку, пока не найдётся достойная замена. В любом случае, пригодится в качестве учителя. Такой «кот в мешке» и врагов озадачит... Директор дал согласие, и я полетела из Москвы на Алтай.

В аэропорту меня встретил высокий худой юноша, косивший под Остапа Бендера.

– Геннадий, прошу любить и жаловать. А вы – Евгения. Наслышан, рад.

Он широким жестом открыл дверцу разбитого «козлика», помог с багажом, театрально уселся на место водителя и нажал на газ. «Позёр!» – подумала я. Но тут мы помчались с такой скоростью, что я уже ни о чём не могла думать, кроме бесславной смерти на краю вселенной. Это были цветочки. Скоро мы свернули с основной трассы, и начался испытательный полигон для бурого железа на колёсах. Теперь оно прощалось с жизнью.

– И так каждый раз, – словно продолжил мою мысль Гена. – Всего три километра, а столько крови выпивают! Дед все пороги обил, ответ один: «Денег нет». Самая любимая фраза всех уровней власти на сегодняшний момент.

– А какой этот Дед?

– Сейчас познакомишься. Сбитый с ног Колосс Родосский, пока ещё директор. Два года искал на своё место настоящего мужика-хозяйственника, пусть даже не педагога, и дождался, – он обернулся ко мне и с нескрываемой иронией усмехнулся.

Гена станет моим лучшим другом. Собственное маленькое издательство, выпуск единственной в крае независимой оппозиционной газеты – ему было чем гордиться. Хороший парень с неиссякаемым чувством юмора, эрудит, имеющий слабость фразернуться. Куражился он от бившей через край энергии, которая позволяла себе пошалить с имиджем, вылиться в авантурный проект, вести неравный бой с бесстыдным всевластием чинуш. Но дело своё он знал и делал более чем серьёзно.

– А теперь закрой глаза, я поведу тебя к резиденту.

После тряски я ничего не соображала. Стёкла машины забрызгались грязью, а мне так хотелось увидеть место своего неполитического убежища.

– Чтобы осталось неизгладимое впечатление, тебя надо подготовить, – продолжил мой спутник. – Потом налюбуйешься.

Смешное дело: я приняла эту нелепую игру. Дверь машины открылась, и меня взяли за руку. Видимо, резиденция Деда была рядом, потому что больше пяти минут я бы не выдержала. Снова скрипнула дверь, и мы оказались в большом холле деревянного дома. Внутри круглые брёвна стен, домотканые весёленькие дорожки, дубовые двери с четырёх сторон.

– Дед, встречай племя молодое и здоровое!

Одна из дверей открылась, оттуда вышла милая пухленькая женщина и бросилась Гене на шею:

– Дед, твой спаситель явился. Геночка, привёз лекарство?

– А зачем я сюда летел, все крылья ангельские стёр в кровь? Знакомься, Анюта, это Евгения. Приготовь нам чайку, приголубь девушку.

Анюта с таким же радушием обняла меня и спросила на ушко, как я себя чувствую. Я уверила её в полном своём здравии. Она ободряюще улыбнулась, помогла раздеться, дала тёплые меховые тапки и потихоньку подтолкнула к открытой двери:

– Иди, Дед тебя заждался. Поговорите чуток, а я чай приготовлю.

Комната Деда вся была заставлена книжными полками. Большой рабочий стол, рядом кровать. Я встретила с потрясёнными глазами могучего старика. Он полусидел, откинув голову на гору подушек. Знакомство состоялось.

– Зови меня, как все, Дедом, а тебя я такой и представлял, – в его усах мелькнула улыбка.

Я стояла растерянным Чебурашкой, в потёртых джинсах и свитере, с хвостиками выющихся волос, в нелепых меховых тапках посередине комнаты, впервые не зная, куда деть руки. Не такую смену мечтал увидеть Дед – выдали глаза. Я постаралась вытянуться, захотелось щёлкнуть каблуками и приложить руку к несуществующему козырьку.

– Кир в своём репертуаре. Значит, ты и есть тот самый троянский конь, который принесёт нам победу? Верю! Садись поближе к столу и слушай.

В комнату вошёл Гена, доложил, что моя опочивальня готова, скарб тяжёлый, но он справился. Потом он обнял Деда и уселся напротив меня, потирая руки от удовольствия. Зрелище, на его взгляд, было забавным.

Дед начал свою приветственно-информационную речь. Ничего нового я не услышала. Кир Нилович, сообщил мне о положении вещей в этом тридевятом царстве. Хотелось бы конкретики. Что делать?

– Что делать, хочет знать наше дитя? – старик читал мои мысли. – Будем пить чай, потом строить заговор. Гена, ты остаёшься на ночь!

Гена, уже пересевший в удобное кресло, кивнул и демонстративно закрыл глаза.

Дед продолжил разговор:

– Жене я расскажу сначала прошлое, потом будущее, а утром познакомится с настоящим нашего детского городка.

История интерната началась ещё до революции. На этом месте были монастырь и детский приют при нём. Монастырь владел всеми землями вокруг и процветал.

После революции монахов изгнали. В двадцать третьем году на месте монастыря основали детскую колонию, начальником которой назначили героя гражданской войны, инвалида, будущего отца Деда. В двадцать шестом он женился. Двое детей умерли от оспы, в тридцать втором родился последний сын.

– Отец – крестьянских кровей, георгиевский кавалер – был одной из главных фигур в этом крае. Монастырские земли закрепили указом самого Дзержинского за коммуной, носившей его имя. Они и дали возможность выжить во время войны и разрухи. Я после института занял место отца. Коммуну переименовали в интернат, в нём жили и учились не только сироты, но и дети репрессированных, дети оленеводов и даже дети из ближайших посёлков, в которых не было школ.

В этот период были построены новые корпуса, отремонтированы два трактора, сеялка, амбар, коровник, овчарня, погреба. Впервые начала работать водонапорная башня: колокольня сослужила свою службу. Одна полуразрушенная церковь и кирпичные стены, окружающие интернат, напоминают о монастырском прошлом. Они сделаны на совесть, простоят века.

Дед замолчал, потирая грудь. Анюта поспешила сделать укол. Гена вышел покурить. Я заметила на столе скатанный рулон, тихо развернула его и обомлела. Я увидела будущее интерната: исполненный рукой мастера объёмный план, включающий все постройки, спортивные площадки, поля вокруг, реку и лес.

– Красивое будущее я нарисовал?

– А что собой представляет настоящее?

– Гена завтра тебе всё покажет. Возможно, ты поедешь с ним не в университет, а сразу в аэропорт.

– Я пока не выслушала планы заговорщиков...

– А планы таковы, – в комнату зашёл Гена, – нас не подслушивают, я проверил, а теперь шёпотом о самом главном...

– Шут гороховый, ты совсем девчонку с толку собьёшь, – добродушно прошипел Дед.

Мы все разом сначала скромненько хрюкнули, а потом разразились хохотом. Я поняла, что попала в свою компанию. Любимое дело старика, труд всей жизни летит в пропасть, сердце не выдерживает, а дух не сломлен.

– Вот за что я люблю тебя, Дед. Ты опровергаешь постулат, что стариков надо убивать в детстве.

– Молодость прекрасна в любом возрасте, – открылся клапан и моего фонтана.

Почти до утра меня посвящали в детали борьбы за сохранение интерната. Мне поручалось исполнить необычную роль, которая была не по сану Деду. Я должна была разыграть маленький спектакль в кабинете председателя исполкома. По данным Гены именно он мутит воду по ликвидации интерната с подачи первого секретаря крайкома.

«Шоковая терапия», после которой тысячи превратились в рубли, а цены на все товары подскочили раз в пятнадцать, ошеломила народ, который ещё долго не мог прийти в себя. Ему бы собраться вместе, выйти на улицы и закричать: «Ограбили!», но в верхах власти началась такая трагикомедия, что оторвать народ от телевизора было невозможно.

Власти на местах притихли, но ненадолго. Вот она, мутная водичка, в которой безнаказанно можно ловить карасей. Право на частную собственность провозглашено, дана отмашка, и «прихватизация» началась. Резвые скакуны социализма снова оказались впереди, теперь свободы и демократии. Они делили и складывали, закрепляли за собой свою советскую вотчину. Вчера ещё ярые

идеологи коммунизма, номенклатура высшей пробы и иже с ними тихо скупала через подставных людей ваучеры, спешила стать во главе теперь уже капиталистического строя. Сфера их интересов ширилась, пока никто не ставил подножки, пока никто не «врубился» в перспективу.

Я тогда была совершенно далека от такой науки, как политэкономия, но волею судеб она ворвалась в мою жизнь стремительно, с оглушающим эффектом. Экономия ещё была понятна, а политика – тёмный лес, но в нашей стране без неё никуда, она и «вурдалачила» над экономикой как хотела.

Буквально накануне моего приезда президент Борис Ельцин в телеобращении к народу объявил о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета, назначении выборов в Государственную Думу на 11—12 декабря и подписал соответствующий указ, который не соответствовал действовавшей в то время Конституции. Силовое противостояние между президентом и сторонниками Верховного Совета 3—4 октября переросло в вооружённые столкновения. Ельцин победил и принял ряд важных решений, в том числе решение о прекращении деятельности Советов всех уровней и изменении системы местного самоуправления...

По сведениям Гены, в этом хаосе перемен первый секретарь крайкома спешил, нажимал на все рычаги, чтобы попасть в Думу и удержаться на вершине власти. Мечта чеховских героинь сверлила мозг: в Москву, в Москву. А за спиной крепкий тыл, маленькое заповедное личное царство.

– План мы составили несколько авантюрный, но выполнимый... – подвёл итог Гена. – Пора и поспать.

– Что-то не верится, что он сработает. Участок земли, на котором расположен наш летний лагерь, меньше, хотя находится в прекрасном месте, – вздохнул Дед.

– И на берегу реки! – добавил Гена. – С его захватом будет меньше шума, а кому-то очень хочется и рыбку съесть, и в Думу сесть.

– Если они, забрав лагерь, помогут с ремонтом дороги и с завершением строительства нового корпуса интерната, да к юбилею, а Гена раструбит через газету о реальной помощи детям, то избрание в Государственную Думу вечному

чиновнику обеспечено, – высказала я своё мнение.

– А ведь именно он со свояком ограбил интернат! Дед до сих пор в это не верит, хотя у меня почти готовое досье на него. Осталось чуть-чуть, и дело можно передавать в прокуратуру. Вот таков этот лидер коммуняка! – сказал Гена, обращаясь ко мне.

– Осталось найти исчезнувшего ворюгу или эксгумировать якобы его труп, а потом ждать пулю в лоб. Остынь. После того, что натворили либералы, народ и так отдаст свои голоса им, – Дед потёр ладонью левую сторону груди. – Воевать с такими лидерами сил нет, что-то у них просить противно... и жить на коленях невыносимо. Анюта! – голос его сорвался. – Наверно, спит. Гена, накапай мне тридцать капель, пожалуйста.

– Зачем просить? – удивилась я. – Можно просто убедить, что за небольшую помощь они получают большой пиар, который им сейчас будет очень даже кстати.

Слова-то какие знаешь! – усмехнулся Гена. – Хотя, если вспомнить комедию Гоголя, всё будет не так мрачно. Представьте...

Он разыграл свой скетч в лицах и раскланялся под мои бурные аплодисменты. У Деда на глазах выступили слёзы.

– Времена Гоголя прошли, – Дед вытер глаза платком.

– Наступили! – запротестовал «режиссёр». Актриса на главную роль аплодирует, значит, есть шанс. Я за комедию!

– И с меня достаточно трагедий, – как-то неуверенно пролепетала я.

– Правильно! Депрессия – не повод быть несчастной.

– Возможно, что они лагерь сожрут, а интернату не помогут. Их цель его ликвидировать! С нового учебного года уже повысили плату за питание и проживание детей, имеющих родителей, чтобы избавиться от них. Потом заявят, что детей мало и распределят оставшихся по другим детским домам в городе. Никого не волнует, куда девать детей оленеводов, геологов и тех,

в чьих посёлках нет школ. И на бунт родителей они наплевали. Мы сами бы всё уладили, да эта «ограниченная ответственность» позволяет им совать нос в наши дела, и в итоге довести до полного банкротства и уничтожить. Зарплату опять задерживают. А мы выживаем всем на зло.

– Арсен обещал свою помощь. Он слов на ветер не бросает, – успокоил Деда Гена, не объясняя мне подробности.

– Евгения Викторовна, если всё получится, как задумали, вам придётся пополнять армию своих сторонников, иначе сожрут.

– Веник не сломаешь! – согласилась я.

– Правильно мыслишь, будущая многодетная мать. Вяжем веники и выметаем мусор в Москву. Последняя запись в протоколе: всем спать! А напоследок анекдот: «Почему вы вступаете в ряды партии? – Чтобы не загрязнять ряды беспартийных». Пусть выметаются в столицу, воздух станет чище. Проголосуем «за».

Кружевные простыни, запах хвои. План авантюрен, но реален. Я смогу! Нет, мы сможем. Где-то слышала: провинция... здесь бурно жизнь стоит на месте...

Именно тогда я впервые проинспектировала свои человеческие части: тушку, душу, дух. Тело жаждет пищи и удовольствий, его основная задача – плодиться и размножаться – заложена природой на генном уровне. Душа – божественная суть, питается любовью, красотой, будит творческие фантазии, жаждет полётов... «От вздоха первого в день своего рожденья... торопится ко дню исчезновенья» – сказал в одиннадцатом веке Маари. А мне кажется, что поскольку она жаждет полётов, поэтому она... торопится ко дню не исчезновенья, а освобожденья. Мы обязаны помочь ей обрести крылья, наполнить чувственным опытом, чтобы в час кончины тела она улетела к недоступной для разума цели. Возможно, именно в этом её предназначенье. Душа и тело живут в вечном противоборстве и только в огне любви обретают

гармонию.

«И я там был...». Тело отвергли, в душу плюнули, заставили усомниться в самой категории счастья. «А счастья не было, и нет...» подтвердил это и Михаил Юрьевич. Неужели фанатичное стремление к нему, как недостижимой мечте, проклятие и крест человеческий?! А что, кроме мечты о счастье, будет тогда освещать нашу жизнь? Без неё душа ослепнет и погибнет во мраке. А сила духа? От чего зависит она?

Я летела в этот край с огромным желанием зажечь на его небосводе ещё одно маленькое солнышко, чтобы согреть себя и мир вокруг. Пора прощаться с романтикой. Прежде придётся поучаствовать в местной войнушке, а для этого надо собраться с духом и вылезти из окопа.

Проснись, мой маленький друг, анархист и задира Кураж, и возьми на «слабо», а я поведусь. Мне по силам предстоящее сражение, и захлебнётся в лобовой атаке страдание души.

– Опять заговорила лозунгами, как радио, и завела меня, как будильник, до упора своими бреднями. Самое время – четыре утра. «Безумству храбрых поём мы песню». Ха-ха. Завтра посмотрим, – вяло кукарекнул внутренний голос.

Идея моего учителя Кира Ниловича сработала. Снова я возвращаюсь к дорогому имени. Именно он шесть лет назад послал на «погибель» любимую ученицу, спасая от самой себя. По его мнению маленькая смерть жутко оживляет. Всё продумал, придумал, убедил стороны, потом поверил сам и оказался прав. Он уже ждёт меня в столице с новыми проектами. Спасибо судьбе, что послала мне в самом начале взрослой жизни такого мудрого и доброго гуру.

Шесть лет пролетели вихрем. Самой не вериться, что я теперь солидная уважаемая дама. Позади получение диплома, аспирантура и защита диссертации. Но главная победа – воплощённый в реальность проект развития интерната, тот самый рисунок на бумажном рулоне.

Помню до сих пор, как страшно было сделать первый самостоятельный шаг. Тогда время свернулось в тугую спираль, проблемы сконцентрировались на её пике и требовали немедленного разрешения. В этой точке оказалась я, очень быстро понявшая всю меру ответственности каждого шага на выбранном

трудном пути.

Открытием летнего лагеря «Солнышко» окончен мой трудовой роман с чудесным краем. Вчера проводила гостей с российского телевидения, которые впервые посетили нас на семидесятилетний юбилей интерната.

Радостные крики детей на реке, голоса вожатых. Уже три года студенты краевого университета с удовольствием проходят практику у нас. Молодым педагогам выделяются земельные участки рядом с интернатом под строительство своих домов по беспроцентному кредиту. Пробита не одна бетонная стена бюрократии, чтобы появилась такая же возможность и у наших выпускников. Я сделала всё, что в моих силах. Лучше сможет только Пётр Иванович: он дождался своего законного места.

Без него и его жены мне суждено было бесславно погибнуть уже в самом начале. Клава стала даже не подругой, а старшей сестрой. Вчера мы впервые поругались.

– Женя, Арсен позвонил и сказал, что приедет на прощальный ужин.

– Не приедет! Мы давно обо всём договорились. Полгода, как расстались.

– Он хочет приехать для серьёзного разговора. Женя, я умоляю тебя ещё раз подумать. Такого мужика ты больше никогда не встретишь. Начальник геологоразведки региона, квартира в Москве, машина, влюблён, такие подарки дарит!

– Клава, я не хочу с ним встречаться, у меня только одно желание: вернуть его подарки и освободиться. Пойми, мне самой очень больно, поэтому и боюсь встречи с ним. Знаю, что лучшей партии мне не найти, но без любви, «как на свете без неё»? – затормошила я драгоценную подругу.

– Зачем тебе эта любовь?! Ты забыла, от чего сбежала на край земли?

– Не забыла, поэтому и попробовала обойтись без неё. Не получилось, потому что внутри всё протестует. На себя посмотри: смогла бы ты полюбить кого-нибудь, кроме Петра?

Клавдия даже покраснела. Мне иногда казалось, что любовь их неприлично затянулась. Старший сын окончил университет раньше меня на год, ибо в школу пошёл с шести лет. При таком-то отце! Теперь он заведует учебной частью. Его военная служба заменена трудовой повинностью, чего надо было ещё добиться. Второй сын в четвёртом классе, а младшему только семь лет.

Клава права: ей далеко не двадцать лет. И Гена прав – не надо инсценировать раздумья. Всё решено, пора возвращаться в Москву.

Бабушка Вера в каждом письме жаловалась на плохое здоровье, и кто, как не я, должна быть рядом с ней? Уже год назад можно было со спокойной совестью передать дела Петру Ивановичу, если бы не просьба Деда.

Им был собран уникальный материал, почти готовая диссертация. Уезжая, он просил завершить её, сделать сравнительный анализ методов воспитания и обучения трёх эпох, указать все ошибки, совершённые за этот период, сделать выводы и внести предложения, включая новые открытия в подростковой психологии. На Западе именно она является фундаментом воспитания. Дед даже оставил мне всю свою уникальную библиотеку, которая пополнилась последними работами известных детских психологов, присланных его сыном.

Материал опубликован. Несколько моих статей на эту тему открыли дорогу в аспирантуру. Я окунулась в такую важную и нужную для педагогической практики работу и утонула в ней. Дело, о котором просил меня Дед, я выполнила, но это задержало меня на целых два года.

Все мысли были уже там, в Москве. А главная причина возвращения? В ней я боялась признаться даже самой себе.

– Евгения Викторовна! – услышала я тревожный голос Клавы. – Женечка, я к тебе с горем... – она подошла ко мне и заплакала. – Нет тебе, родная моя, покоя. Только расслабилась, вздохнула спокойно... и на тебе.

Она протянула мне телеграмму. «Бабушка Вера умирает. Прилетай». Кончился мой летний отдых длительностью полдня.

Самолёт уже набрал высоту, а слёзы текли и текли по моим так и не загоревшим щекам. Только бы застать бабуся в живых, увидеть её добрые глаза, успеть сказать спасибо за всё, что она сделала для меня. Успею ли? Смогу ли снять тяжкий грех с души перед ней и родителями? Тоска по ним сдавила горло.

Вспомнилось, казалось теперь, такое далёкое прошлое.

Я из семьи военных. Родители колесили достаточно долго по стране и вот – отставка. Выбор, где осесть, был не велик: Люберцы и Рига, последнее место службы отца. Везде надо было ждать квартиру в течение двух и более лет. В Риге у меня, наконец, наладилась учёба, я с удовольствием занималась в художественной школе. Мама мечтала о родительском доме в Люберцах и моём поступлении в московский вуз, но дом был самовольно занят большой семьёй троюродного брата. Выгонять её было неудобно.

Папа подумал и сделал оригинальный выбор. Он устал от полуголодного времени (шёл восемьдесят шестой год), устал от дефицита всего и вся, от ожидания вечно не хватающих для военных квартир. О так устал, что, наплевав на общепринятое желание всех отставников поселиться в Москве или большом городе, повёз нас на вечное поселение на свою родину, в деревню к огромной родне. Бабушка, его мама, несколько лет назад умерла, и её дом пустовал. В нём наша семья и поселились.

Надо признаться, мы с мамой активно сопротивлялись такому решению отца: мама даже хотела развестись, только бы не жить в деревне. Папа сделал хитрый тактический манёвр: он привёз нас только погостить всего лишь на лето, и всё там очаровало, убедило остаться.

Две светлых и рыбных речушки, прямо за огородом лес, заливные луга с пряным ароматом разнотравья, квакающие в болоте лягушки, забивающие своим ором

трели соловьёв по весне, и главное – обилие накрывающихся к нашему приходу столов. Всё лето мы с мамой ходили в гости к многочисленным родственникам, а папа взял немыслимо большой кредит, и к осени мы въехали в прекрасный дом, построенный с помощью всё той же родни. В сарае завелась коза, во дворе ходили куры во главе с гордым ярко-пёстрым петухом, весь подпол был забит овощами, банками с соленьями, и мы с мамой смирились и расслабились. А зря.

Пришла зима и одним махом освободила нас от эйфории. Ближайшая школа была только в пяти километрах от деревни, и туда по заснеженным дорогам приходилось ходить пешком, так как автобус вечно застревал в сугробах. Только через два года строители сдали асфальтированный тракт, возвышающийся над полями, который прозвали БАМ. К этому времени я была уже в Москве в пединституте.

Эти два года я с трудом адаптировалась к незнакомой мне обстановке. Мама нервничала из-за низкого уровня преподавания, и, хотя я теперь с лёгкостью стала отличницей, мы обе понимали, что в приличный вуз мне не поступить. Зато отец чувствовал себя как рыба в воде и на все наши стенания находил положительный аргумент:

– Трудно пешком? Это хорошая закалка. Плакал приличный вуз? Сойдёт и наш областной педагогический. Приедешь потом в свою школу и усилишь в ней преподавание, родишь внука, мы с ним будем рыбачить, – это было вершиной его мечты.

– Учись преодолевать трудности, крепи броню, выковывай характер! – не переставал твердить он нам с мамой, нежно любя обоих.

Спасла от одичания школьная библиотека. На её полках, никем не тронутые, жили классики всех времён и народов. Мир раздвинулся для меня во всей своей пространственной и духовной безграничности. Обучение музыке осталось несбыточной мечтой, зато я нашла свою музыку, музыку души от общения с великими людьми всех эпох. Начала я с «Человеческой комедии» Бальзака, а заканчивала уже ЖЗЛ.

Всю зиму я с трудом входила в школьный коллектив, но уже к лету у меня появились друзья. Они не шли ни в какое сравнение с теми, которые были у меня раньше и по которым я очень скучала. В Риге я легко и просто вошла в новый

коллектив, мы с классом разговаривали на одном языке. В деревенской школе я попала в застывшее болото и показалась всем выскочкой. Мои идеи, обычные в прошлой жизни, воспринимались с удивлением и неприязнью, но я не сдавалась и победила: был подготовлен концерт, с которым мы потом ездили по сельским клубам, создана команда КВН, слабая из-за специфического менталитета аборигенов, но смеху хватало всё равно.

Так к лету я стала «своей» и нашла закадычную подружку, с которой ходили на танцы в старенький клуб. Танцы продолжались до полуночи, потом парочками – кто с мальчиком, кто с подружкой – расходились по деревне гулять.

Поклонников у меня было предостаточно, но после пары свиданий они оказывались невероятно скучными. Юношеский максимализм требовал появления и в жизни героя, минимум – капитана Грея или хотя бы одного из Генрихов французской династии, но реальность предоставляла в основном Герасимов. И всё равно сердце замирало, когда на танцах появлялись незнакомые ещё мальчики из других деревень или городские, приехавшие на каникулы к родственникам.

Сердечный трепет только однажды нашёл достойного рыцаря в последнее выпускное лето. До сих пор помню щемящую нежность первых прикосновений, касание губ. Неизведанное и сладкое чувство переполняло и пугало, виной чему было жёсткое воспитание папы, особенно в «этом» вопросе. Фарисейский вопль с экрана телевизора «У нас секса нет!» услышала вся страна и благодарно согласилась. И даже беззастенчиво откровенные выкрики разгорячённых самогоном деревенских мужиков: «... я тебя хотел» означали, видимо, всего лишь простое несогласие типа: «ты не прав, друг».

Как-то сразу, не дав насладиться речкой, солнышком и бездельем, пришло время поступления в институт. Папа считал, что выбор ближайшего института дело решённое, и был несказанно удивлён совсем иным непреклонным мнением мамы:

– Учиться Женя будет только в Москве!

– Кто её там ждёт? – отмахнулся он.

– Ждут! И это только моя заслуга, – гордо заявила она.

Оказалось, что в Москве живёт мамина тётя, которая возьмёт меня к себе на период учёбы. Вот так мама! Меня эта новость обрадовала, а папу очень огорчила. Он и не подозревал о маминых кознях, хотя знал об её обширной переписке не только с бывшими подружками. С тётей Верой, которая жила в Москве, мама переписывалась ещё со времени смерти родителей. Мы тогда жили на Крайнем Севере. Мама не смогла прилететь на их похороны: две недели стояла нелётная погода, и я болела воспалением лёгких.

Тётя Вера сообщила в подробном письме о причине смерти: дедушка с бабушкой отравились грибами, спасти их не смогли. Она написала, что дальний родственник организовал похороны, а потом занял освободившийся дом.

– Его лучше не трогай, он связан с бандитами, – так писала ей тётя Вера, когда обсуждалась возможность нашей семье поселиться в мамином родном гнезде под Люберцами.

В последнем письме она написала:

– Если хотите, чтобы Женя училась в Москве, то пусть приезжает, поступает в институт и живёт у меня.

Так спорный вопрос между родителями был решён окончательно в пользу столицы.

И вот мы с папой в Москве, в однокомнатной квартире пятиэтажной «хрущёвки» бабушки Веры, в которой нам даже негде было расставить привезённые баулы. Бабушка принесла в жертву своё тихое и спокойное житьё, и было невооружённым глазом видно, в каком смятении она находилась, ожидая наше появление.

А папа быстренько разлил шампанское, выпил за знакомство, потом на посошок, облобызал бабушку и меня, пожелал удачи и уехал к своему новому увлечению: пчёлам, которые были на выпасе на лугах. Он не остался со мной на время экзаменов, и причиной этому была обида.

К тому времени он стал непререкаемым авторитетом в семье, так как жизнь доказала его правоту: жить в деревне было гораздо легче. На этот раз его

не послушались, а как было бы дивно, учись я ближе к дому. Он уехал, наказав меня таким образом за мятеж.

Грянет 1992 год, и сумма взятого кредита превратится в копейки. Папу безмерно раздует от самодовольства и счастья, тогда как вся страна оденется в траур и оплатит годами копившиеся и внезапно исчезнувшие капиталы.

Оставшись наедине с бабушкой в её каморке, я неожиданно расплакалась: стало жалко себя, одинокую, которая должна пройти трудное испытание самостоятельно. Испытание я выдержала – поступила, доказала... и была счастлива.

Так началась моя жизнь в Москве с бабушкой Верой. После института она всегда встречала меня то блинчиками, то пирожками, и за вечерним чаем посвящала в местные новости, рассказывала о своей жизни.

Была у неё закадычная, ещё с детских лет, подруга. Их завербовали в предвоенные годы ткачихами на фабрику, обе потеряли своих мужей на войне, но Даша ухитрилась принести сыночка в подоле, то ли с осуждением, то ли с завистью повествовала бабушка.

– Ей дали двухкомнатную квартиру, а мне вот эту каморку, потому что не вешалась на мужиков. Вырастила подруга сыночка, оболтуса, который мотается теперь проводником на Дальний Восток, спекулирует, связался с бандюгами, ходит по ресторанам, дома бывает редко, поэтому я пропадаю всё время у неё. Я вас познакомлю: теперь и у меня есть внучка, красавица! – с любовью глядя на меня, заканчивала она свои монологи.

Однажды бабушка в очень возбуждённом состоянии поведала мне за вечерним чаем ошеломляющую новость:

– Женечка, теперь будешь жить одна, а я перееду к подружке. Представляешь, вся страна бедствует, а Дашуткин сын купил себе шикарную дачу на Николиной Горе. Давеча явился к матери с вином, конфетами, да разными деликатесами и объявил, что женился, будет жить на даче. Мол, поздравьте его! Грех-то какой: мать родную не пригласил на свадьбу! Она была у них за границей, хоть расписались они здесь. Зато пригласил в гости на лето, пощипать сорняки на каком-то газоне, пока они уедут отдыхать. А жена у него – дочь какого-то

высокого человека. И как это она вышла за такого?

Бабушка даже слов не нашла: ни обормот, ни бандюга не подходили для названия теперь уважаемого человека. Много историй она мне рассказала о себе, о прошлом. Никогда не лезла в мою душу, может быть, видела её насквозь?

Конец пути прервал воспоминания. Москва. Я схватила такси. Подъезжая к дому, увидела крышку гроба, прислонённую к двери подъезда. Не успела. Сердце сдавило болью.

Похоронили мы бабушку, и в душе образовалась ещё одна рана, только свежая. Совесть не давала спать. Уже очень больная, бабушка приватизировала свою квартиру и завещала её мне. В письмах не было особых жалоб, кроме сетований на уходящее здоровье, но в каждом из них она просила поскорей вернуться к ней. С занавешенными окнами и зеркалами я лежала на диване и бессмысленно смотрела в потолок. Мои письма к ней были зачитаны и потёрты, все фотографии стояли в рамочках на прикроватной тумбочке.

Сейчас самое время поехать домой к родным, по которым я очень скучала все эти годы. Но я не могу этого сделать, пока не найду оправдания своему многолетнему обману самых близких мне людей и не отыщу достойного выхода из унижающего меня положения.

Было множество неотложных дел, а я лежала на кровати, совершенно потерянная, плакала и вспоминала. Этого мне нельзя было делать категорически, а мысли всё равно вели в прошлое, которое подсознательно и вернуло меня в Москву.

Когда-то, в другой жизни, ещё при поступлении на филфак пединститута, я познакомилась с Олечкой, ставшей моей подружкой на всю жизнь. Она недобрала одного балла на иняз и совершенно равнодушно перешла на мой факультет. Потрясало в ней удивительное для поступающих абитуриентов

спокойствие и безоблачное состояние души. Она казалась мне принцессой, которая явилась из сада маленького графства прошлых веков. Её несуетливая нездешность среди столичного динамизма была настолько удивительна, что я очаровалась ею навсегда.

Оля пригласила меня в гости отметить поступление. Жила она с бабушкой Настей, мамой отца, высокопоставленного чиновника МИДа, проживавшего с женой и младшей дочерью в основном за границей, на этот раз в Австралии. Их квартира находилась в известном Доме на Набережной. Бабушка Настя накрыла праздничный стол, который отличался своим ассортиментом от многих столов не только страны, но, думаю, и Москвы.

– Праздновать-то нечего, бабуля: провалилась я на иняз. Теперь буду учиться на филфаке вместе с Женей, – спокойно сообщила Оля неприятную весть.

– Ох, Олечка, как мы скажем это отцу? Сегодня, как всегда, позвонит вечером, спросит, – запричитала баба Настя.

Она отличалась от моей сухонькой бабули пышностью форм, румянцем на белом лице и массой драгоценностей на руках и шее.

– Но ничего, он – голова, найдёт выход из любого положения. – Вмиг успокоившись гордостью за сына она заявила, – Давайте праздновать, мои новоиспечённые студенточки.

Мне стали понятны спокойствие и безмятежность обоих. Их жизнь защищена надёжными стенами, возведёнными отцом. В этом оазисе всегда безоблачное небо, и в них рождаются такие феи, как Оля.

– Ну что сказал вчера отец? – спросила я её на другой день.

– Сказал: «Ничего страшного, дочка, наймём репетиторов по английскому и французскому языкам, подготовишься, и переведём тебя на иняз». Поздравил... – равнодушно ответила она, как будто это не имело к ней никакого отношения.

Мы стали неразлучными подружками.

Сейчас та жизнь казалась сказкой. От воспоминаний на сердце потеплело. Сейчас Оля живёт в Австралии, замужем за богатым банкиром и имеет двух деток. Я прервала с ней связь, уехав, точнее сказать, скрывшись ото всех далеко на Алтае. В своём почтовом ящике я нашла с десяток её писем и приглашений. Там были и недоумение, и обида, но, не получив ответов, она замолчала. Её я не хотела обманывать...

Остался один верный друг, которому я доверила все свои тайны. Скоро мы встретимся. Он одним из первых узнал о моей нынешней потере и, как всегда, предложил свою помощь. Мой великий и мудрый гуру.

Оля увлекалась поэзией серебряного века. Затянуло и меня. Мы стали ходить в литературный кружок, которым руководил декан факультета профессор Кир Нилович, прозванный студентами Кокошей. Он и стал для меня пожизненным кумиром и Учителем с большой буквы. Великий эрудит, великолепный знаток зарубежной и русской литературы, он собирал на свои лекции студентов даже с других факультетов, потому что читал их с таким пафосом и такой эмоциональностью, что всё действие превращалось в великолепный спектакль. Высокого роста, со смешными седыми кудряшками волос, похожими на нимб вокруг головы, он казался всем могучим Колоссом, хотя в обычной жизни напоминал артиста Гарина.

Иногда возраст и разболевшиеся суставы не позволяли выйти из дома, и он приглашал кружковцев к себе. Жил он со своей сестрой Кирой Ниловной, естественно, сразу ставшей Тотошей, недалеко от института. Она готовила стол для чаепития, а потом садилась за старинный рояль. Голос у неё был слабенький, но пела она чисто и очень задушевно романсы на стихи любимых поэтов, а Кир Нилович рассказывал удивительные подробности из их жизни. Потом мы читали стихи своих любимых поэтов, пили чай, настоянный на травах, и слушали, слушали, затаив дыхание. Эти вечера навсегда останутся в памяти. Мы становились другими, у нас вырастали крылья.

Оля, не уставая, знакомила меня с музеями и театрами, поэтому первый и второй курс был переполнен событиями. Времени не хватало постоянно. Я развернула свои таланты на писательском поприще и со второго курса стала редактором газеты факультета. Приходилось освещать студенческую жизнь не только в стенах института, но и в общежитии.

– Женечка, зайди к нам, посмотри на безобразия нашего бытия: плиты не работают, везде протечки. Хотя бы через газету повлияй на нашего коменданта.

Я честно пыталась влиять, но если начинали работать плиты, то тут же прекращал работать душ. Какая-то немыслимая связь.

Вечерами в общежитии постоянно закатывались пирушки, поводы для которых находились всегда. Гулял иногда весь этаж нашего курса, а чаще собирались в одной комнате, и я узнавала все последние новости: кто с кем, кто от кого и почему. Личная жизнь студентов протекала бурно и беззастенчиво.

Я была пока далека от любовных вакханалий и страстей: у меня просто не хватало на это времени. С первого курса всегда рядом был Игорёк, умный, subtilный, не от мира сего сокурсник, который не давал мне проходу мучившими его философскими вопросами. На вечерах я не была одинока, но нас было не двое, а всегда четверо: в Олю влюбился мачо с факультета физического воспитания. Её «одноклеточный» не позволял никому из парней даже приблизиться к ней. Пока мы держали обоих на стадии ухаживания, заранее зная о провале их необдуманного выбора. Флёр романтики и ожидания чего-то большего окутывал нас.

Учебный год пролетал незаметно. Почти весь июнь, сдавая экзамены за первый курс, мы по очереди с Олей ухаживали за Тотошей, полностью обездвиженной из-за болезни суставов. Гуру был завален работой в этот жаркий для всех экзаменационный период, и наша помощь пришлась кстати. С тех пор мы стали настоящими друзьями, а я неожиданно была посвящена в их семейные тайны.

– Меня все считали красавицей, – рассказывала Кира Ниловна. – До войны мама не работала, а занималась только мной и братом, учила нас музыке. Отец преподавал в военно-морском училище, уже перед войной он получил звание полковника. Мы жили очень хорошо, занимали две комнаты в трёхкомнатной квартире. Наша соседка дружила с мамой. Потом началась война, отец героически погиб под Кронштадтом, во время блокады мама умерла, мы тоже замерзли

и почти умирали с голоду. Когда открылась Ледовая дорога, тётя Нина, соседка, отправила нас на Большую землю в интернат и ежемесячно писала нам письма. Она смогла сохранить наши две комнаты: собрала все документы на опеку и вызвала нас в Ленинград сразу после окончания учёбы в интернате. Я поступила в музыкальное училище, а Кир, медалист, решился и поступил в МГУ. Несмотря на помощь тёти Нины, мы оба ещё и работали. Ох, и трудными были послевоенные годы! – Кира Ниловна тяжело вздохнула. – В девятнадцать лет я безумно влюбилась, казалось, что взаимно. Красавец, щёголь явился на смотрины и очаровал всех. Ухаживал он шикарно, дарил цветы, приносил продукты. Тётя Нина была счастлива и благословила нас. После свадьбы он прописался в нашу квартиру и переменился настолько, что привёл нас в шок. Может быть, и были в то время аферисты, мы не ведали, но если и был один, то им и оказался мой ненаглядный. Я была уже беременной, когда он прописал к нам свою сестру-красавицу, а через пару недель внезапно умерла тётя Нина. Никто не догадался тогда сделать вскрытие. Уже много позже я поняла, насколько был страшен этот человек. Он шёл к своей цели по трупам. Сначала, узнав о моей беременности, заставил избавиться от ребёнка, а потом запретил не только учиться, но и выходить из дому. На моих глазах «сестра» превратилась в любовницу, после чего и моя жизнь могла кончиться в любую минуту. Кир ни о чём не знал. Как я могла признаться во всём этом кошмаре?! Моя доверчивая романтическая душа даже в страшных военных снах не испытывала такого ужаса.

Пять лет я прожила в тюрьме. Готовила, стирала, мыла... Угрозы и оскорбления сыпались на мою голову каждый день. Мне было не понятно, чем занимался муж, но деньги и вино текли рекой. Я скрывалась в своей комнате во время пьяных сборищ, чтобы не слышать блатную речь и тюремные песни.

– Неужели вы никому не могли пожаловаться, хотя бы соседям?

– В том то и дело, что не могла. Боялась. После войны все соседи были мне незнакомы. Из нашего дома только одна Нина выжила в блокаду. Пережить такое и в мирное время погибнуть от руки бандита... Кто посылает нам такие судьбы? – Кира Ниловна вытерла платочком набежавшие на глаза слёзы. – Только когда Кир получил диплом, потом и свой угол в Москве, я сбежала к нему. Мой брат к тому времени тоже потерпел крах в личной жизни, но он своих страданий не показывал, а мои слёзы и сопли вытирал долго. С тех пор мы не расстаёмся. Только через год я пришла в себя, обрела душевное равновесие. Кир запретил мне даже думать о Ленинграде, о квартире, разводе. Мы оба

залечили сердечные раны и начали жизнь снова.

– И вы до сих пор не знаете ничего о своём муже?

– Только через два года я узнала, что Кир всё же съездил в Ленинград. Решил разобраться. Но судьба сама наказала того человека, страшно наказала, вместе с любовницей. Брат не стал рассказывать мне подробности. Потом я сильно заболела и потребовалась серьёзная операция. Кир залез по уши в долги, но поднял меня на ноги, спас от инвалидного кресла. Он очень не хотел терять родное гнездо, мечтал оставить его для моих будущих детей, но мне после операции запретили даже думать о них. Так Кир и расстался с этой мечтой и с квартирой. После сложного размена мы переехали в эту вот просторную квартиру рядом с институтом и парком, отдали долги. Кир ещё несколько лет преподавал в МГУ, но потом ноги подвели и его. Пришлось перевестись в педагогический институт рядом с домом.

– А почему Кир Нилович не женился? Он тогда был молод.

– Ему одного предательства было достаточно. После него он утонул в работе: кандидатская, докторская, монографии... – Кира Ниловна снова тяжело вздохнула. – Я давно молюсь, чтобы бог послал хоть ему счастье отцовства: он обожает детей. Несколько лет назад в его жизни появилась женщина. Кир долго сопротивлялся своей любви, сомневался в себе, но прелестнейшая молодая женщина победила все его страхи и сомнения. Она работает в библиотеке института. Подробностей не знаю, но всё у них сладилось, только почему он не женится, спросить стесняюсь. Может быть, Кир боится большой разницы в возрасте, может быть, не хочет взваливать на её плечи такую обузу, как я? Женя, он тебя обожает, при случае попробуй спросить его об этом. Есть в тебе что-то такое, что вызывает на откровения. Объясни ему, что я готова на любую жертву ради его счастья.

– Спасибо, Кира Ниловна, за доверие, я могу встретиться с...

– С Любовью Алексеевной, Любочкой, как её все называют? Ни в коем случае! – категорически замахала руками Кира Ниловна.

– Но мне с ней легче найти общий язык, а к Учителю... Но я постараюсь при случае, обещаю вам. Всё будет хорошо. Ваш дом – тот очаг, к которому тянутся

люди, находят в нём тепло и поддержку, заряжаются вашей энергией, оптимизмом. И жизнь ваша будет светлой и весёлой. Верите?

Я затормошила её. Кира Ниловна улыбнулась:

– Верю, верю. И с чего это я расквасилась? Глядя на тебя, разве можно не верить в счастье. Включай рок-н-ролл, неси лекарство и чай с коньяком. Будем кутить.

– Да, пора пить лекарства и ужинать, – я посмотрела на часы.

– Неужели прошло столько времени? Я эту тайну так и унесла бы в могилу. Старею, становлюсь сентиментальной. В вас с Оленькой столько романтики, хочется предостеречь.

Я тогда впервые столкнулась с не книжной, а реальной трудной судьбой. После таких откровений Тотоша вошла в моё сердце и осталась там навсегда, не мамой, не подругой – просто родным и близким человеком.

После первого курса я ездила домой одна. Но вот и второй курс позади. Ура, мы едем с Олей в мою деревню, прихватив бабушек. Бабушка Вера давно мечтала посмотреть на папин рай, а без бабушки Насти отец не отпускал Олю.

Мы произвели настоящий фурор среди сельчан: Оля своим заморским прикидом, а я снова зажигала на танцах. Все кавалеры были наши, и старушки не успевали перемывать нам косточки. Папа еле сдерживал рвавшийся из него протест, но при гостях не мог выкрикнуть своё любимое предупреждение: «Хочешь стать второй Людкой?! О тебе уже на всех углах говорят!»

Люда была единственной проституткой среди «не ведавших секса» деревенских блюстителей морали, чудесным способом игнорируя все пересуды уже полтора десятка лет. Именно она и была главной достопримечательностью деревни. А вот нас судили зря. Принцы и герои всё ещё ждали нас где-то, только явно не в нашей деревне. Бабули же довеку не устанут восхищаться своим вояжем.

Воспоминания прервал неожиданный звонок, словно из другого мира. Это не мог быть Кир Нилович: мы с ним договорились созвониться позже.

– Женя?! Это ты? Как я рада. Это Мила... помнишь нашу институтскую редакцию? Я краем уха услышала о твоём появлении и о проблемах. Могу подсобить, если ты не против, – трубка на мгновение затихла.

«Каким это краем?» – подумала я. – Наверно, Кир Нилович развил бурную деятельность по моему трудоустройству. Быстро, однако, совсем не ожидала, тем более от Милы...»

– Милочка, вот так сюрприз! Где ты, как ты? Я очень рада твоему звонку и предложению.

Я на самом деле была очень рада услышать голос из прошлой жизни.

– Наслышаны, наслышаны. Кокоша поведал о твоих достижениях, рекомендует тебя с наилучшей стороны. Но знаешь, всё так изменилось... Сейчас в Москве прилично устроиться практически невозможно, тем более с нашим не престижным ныне дипломом.

– А когда он был престижен? Сама-то где командуешь? – с неподдельным интересом спросила я.

– Командую... При папочке, конечно. Но под ним давно кресло качается, живёт, как на вулкане. Эти реформы кого угодно могут довести до инфаркта, и мой отец каждый день ждёт краха. Он ещё не всех своих-то пристроил. Да, да! Сейчас такие времена, но я посоветуюсь с ним, возможно, и появится вакансия для тебя.

«Всё изменилось, только не для вас», – подумала я и сказала:

– Не стоит, наверно, беспокоиться, Мила, раз такая ситуация. Меня работа любит, найду что-нибудь.

– Да у тебя за спиной ещё и кандидатская диссертация. Правда, это сейчас никому не нужно. Только не обижайся: всё перевернулось в нашей жизни. Ты

не отчаивайся, я буду иметь тебя в виду, а сегодня приглашаю на спектакль в Ленком, это сейчас первый класс! Потом закатимся в ночной клуб, – заранее искренне радуясь за меня и стараясь скрыть превосходство, уговаривала она. Ох, если бы не Ленком! Из-за него я согласилась на встречу.

– Мила, в чём сейчас ходят в театр? Говоришь, всё перевернулось в жизни. Неужели в театр – в рванье?

– Прикалываешься, как всегда. В театр, как ходили, так и ходят в разных нарядах, а вот в клуб желательно надеть что-нибудь от кутюр.

Условившись о встрече, я надолго задумалась. В моём гардеробе были только костюмы и строгие платья или летний незатейливый их вариант. Просто и ясно жилось мне в этом смысле на Алтае. Чемодан с подарками я всё-таки оставила Клаве, которая клятвенно обещала вернуть их Арсену.

До вечера было далеко, есть время подумать, в чём впервые выйти в свет. Прежде чем туда выйти, не помешало бы сначала впустить этот свет в комнату. Я сняла тёмные покрывала, раздвинула шторы, после чего пришлось сделать влажную уборку. Кажется, я прихожу в себя. Душ и кофе добавили настроения.

«Довольно жить воспоминаньями...», – замурлыкала я и снова нырнула в них, открыв не без трепета бабушкин сундук, над которым раньше посмеивалась. А она говорила:

– Не надо, Женя, шутить: здесь хранится моё прошлое счастье. Вот свадебное платье... Когда мы с Мишей его покупали, были совершенно счастливы, если бы не война. Вот это... – и она демонстрировала грамоты, одежду, имевшие особенный, важный для неё смысл.

– Я передам его тебе, и ты сохранишь в нём своё самое незабываемое.

– Семейное наследие без заводов и пароходов, – смеялась я.

Именно в нём я надеялась найти что-нибудь оригинальное. Сверху лежало моё светлое платье с кружевами... От кутюр... Сердце всхлипнуло и, как показалось, остановилось, дыхание перехватило, всё вокруг потемнело...

Такого безобразия со мной ещё не случалось, надо лечить нервы, подумала я, открыв глаза. Взгляд упал на часы, времени не оставалось. Надо бежать... и побыстрее... от прошлого и от себя. Терять сознание... и это после стольких лет работы над ним...

Спектакль захватил, взволновал. Полная впечатлений, я даже не поняла, что мы уже в ночном клубе. Была презентация чего-то, дым, снующие разодетые личности. Мила, гордая тем, что знает половину из них, периодически пропадала, потом возвращалась, пыталась представить меня некоторым, особо важным и нужным для меня, но те смотрели непонимающе и воспитанно кивали головой, обещая помочь. В конце концов, чужая и несовместимая со всем этим балаганом, я выпила у стойки три невероятных коктейля и стала уплывать вместе с дымом. Откуда-то из дыма вынырнула сияющая Мила с почти квадратным и очень самодовольным господином неопределённого возраста.

– Женька, ты готова! – сделала она вывод по моему состоянию. – Сейчас тебя отвезут домой.

– Кто сподобится – три часа ночи?! – удивилась я.

– Познакомься, мой властелин. Он только что подъехал и хочет решить здесь пару личных вопросов, а тебя мы отправим с его шофёром. Надёжный парень, доставит домой в целости и сохранности. Тебе хоть понравился наш вечер? Я тебя буду вытаскивать иногда из твоей берлоги, о'кей?

Мне оставалось только вяло подставить руку для поцелуя её толстячку и кивнуть на последний вопрос.

Дома я свалилась прямо в одежде на кровать и впервые заснула крепким сном. Утром я чувствовала себя превосходно, несмотря на выпитые вчера взрывоопасные коктейли. Затеяв генеральную уборку, я уже совершенно спокойно подошла к лежащему возле открытого сундука платью.

Это платье привёз из Франции для Оли её отец. Проездом, заглянув в Москву, он завалил дочь и мать подарками. Оля кружилась возле них, как бабочка, когда я зашла к ней, не ведая о великом явлении отца.

– Папа, познакомься, это та самая Женя, которую ты очень хотел увидеть. Женя, это мой папа, Марк Викторович.

Отец Оли абсолютно соответствовал моим представлениям: подтянутый, представительный мужчина, с лёгкой сединой на висках и жёсткими складками вокруг рта.

– Вот вы какая, Женечка! Очень рад знакомству. По словам Оли, лучше, чем вы, подруги не найти. Теперь я буду меньше беспокоиться за неё, – сказал он бархатным баритоном и улыбнулся мне.

– Спасибо за доверие, – ответствовала я так, как пишут в книгах, чем вызвала ещё одну улыбку.

«Издевается или следует какому-то протоколу?» – растерянно подумала я, но через полчаса уже попала в сети его обаяния и совершенно расслабилась.

– Оля, давай сделаем твоей любимой подружке достойный её подарок, – предложил Марк Викторович.

Оля, засиявшая от предложения отца, потащила меня к блестящим коробкам, разбросанным в спальне.

Я надела длинное светлое платье с лёгким палевым оттенком, украшенное старинным кружевом, и у меня захватило дух. Из зеркала на меня смотрела юная девушка прошлого века с немного ошеломлённым взглядом.

– Ух, ты, – удивилась и Оля, – это платье словно для тебя сшито! – Пап, посмотри! – закричала она.

Отец Оли, зайдя в комнату дочери и посмотрев на меня, сказал:

– Что ж, платье от кутюр вас, Женя, не испортило... Удивительное перевоплощение. В нём вы ещё очаровательней. Примите его, пожалуйста, в подарок... от всей души.

От всей души – я видела это по его глазам.

– Но я не могу! Это, видимо, невысказанно дорого, – попыталась неуверенно возразить я, втайне боясь потерять такое чудо. Куда делась моя гордость в тот момент, не знаю. Барахольщицей я никогда не была. Потом Оля примерила его...

– Платье сшито специально для вас, Женя, – удивлённо заявил тогда Олин отец.

Это платье из материала, похожего на лён, но совершенно не мнущегося, я держала в руках сейчас, полная самых противоречивых чувств. Бабушка, не ведая того, сохранила самый дорогой фетиш моего прошлого, от которого я пытаюсь убежать до сих пор, но возвращаюсь и возвращаюсь к нему...

Начало третьего курса было ознаменовано важным событием: меня назначили главным редактором институтской газеты. Это назначение очень обрадовало и укрепило веру в себя. Теперь я входила в состав студенческого совета института. Этот студенческий совет стал для меня центром вселенной, потому что я влюбилась в его председателя Сергея. Очень скоро стало понятно, что это та самая долгожданная любовь с большой буквы.

Серёжа Ежов, который учился на последнем курсе иняза, успел разбить не одно девичье сердце. Жертвой пали даже самые яркие представительницы женской элиты, о чём не уставали говорить на всех девичьих посиделках, особенно в общежитии. Одна из последних девиц, пытавшихся его обольстить, была манерная девица, дочь какого-то шишки. Через пару месяцев безуспешной осады она успокоилась другим красавцем, каждый год поступавшим во все театральные вузы с одинаково отрицательным результатом.

Последующая девица так легко не сдалась. У неё была бульдожья хватка, немереный запас провинциального нахальства, как ни противоречиво это звучит, и великолепная фигура с ещё более великолепной грудью, валившей с ног всех представителей мужского пола. Она училась на одном курсе с Сергеем. Их всегда и везде видели вместе и уже не сомневались в результате, как неожиданно для всех грянуло известие: Риту исключили из института, и Сергей не только не поддержал её, а первым проголосовал за исключение.

Слухов ходило столько, что вся история превратилась в легенду.

– Да у неё же куриные мозги – «хвосты» почти по всем предметам, в институт, скорее всего, пробилась «грудью». Настоящая Эллочка-людоедка, – говорили одни.

Другие, особенно общежитские, звавшие её не иначе как «эта б...», устроили вечеринку в честь знаменательного события: главная конкурентка покидала поле боя.

На эту, последнюю для неё вечеринку в общежитии, неожиданно для всех, Рита явилась, одевшись по последнему писку моды и с бутылкой шикарного бренди.

– Пришла проститься и извиниться.

Она знала за что: многих женихов потеряли девчонки в её постели.

– Я, с одной стороны, виновата, с другой стороны, нет – сами лезут.

– Могла прогнать! – завопили все. – Тебе мало было Сергея?! Скажи спасибо, что никто из нас не рассказал ему о твоих проделках здесь.

– Тоже мне проделки, – хмыкнула Рита. – Мелкие шалости здоровья для. Деревня! Дотронуться до себя не даёте, поэтому и спасала их от перегрузок.

– А зачем вам, девочки, нужны такие? – спросила уже я, за что Рита чмокнула меня в щёку и сказала:

– Правильно, Женька, все они козлы! Ну и вы сами хороши: одно сплошное серое однообразие. Забыли, что вы в первую очередь женщины! Да если тебя, Женька, одеть по уму, ты затмишь всех нас вместе взятых. Пользуйтесь молодостью, как я.

– Чтобы выгнали?

– Выгнали, увы, за то, за что любят остальные. Завидно! Наша комендант вся слюной изошла: все её любимчики в моей постели. А у неё и власть есть,

и молодость, а любви нет.

Рита от души рассмеялась.

– Злорадный смех самый искренний, – заметила я. – Чему завидовать? Спать спали, а никто не защитил.

– Но я так просто не сдамся. Чёрт с ним, с дипломом! Скука жуткая, а жизнь мчится мимо, – наша «девушка» отхлебнула бренди и с оттенком превосходства сообщила, – есть другие пьедесталы... и защитники... Когда-нибудь и передо мной кое-кто попляшет!

– Если бы к постели добавить любовь, – гнула я свою линию. – Как без неё? Мы не кролики...

– А для меня это одно и то же: тащит в постель, значит любит. Всё просто. Вы, серые мышки, оставьте вашу возвышенную любовь себе, умненьким. Страдайте, топитесь, бросайтесь под поезда. Станете Крупской в лучшем случае.

– Кто такая? – выпучила я глазки.

– Не подкалывай. Всё равно мечтать мужики будут о таких, как я. И любить будут! А тебе будут рассказывать об этой любви и плакать в жилетку, если брошу.

– Мужики? Верю. Те, которые с куриными мозгами и большими плечами.

Тогда я довела Риту до белого каления. Спорить с ней было бессмысленно, зато все посмеялись от души.

– Да у тебя и парня нет, а то я бы сразу доказала, кто прав, – допив остатки принесённого ею коньяка, заявила Рита.

Девчонки не дали меня в обиду. Игорьку икнулось. Тут же заключили пари на ближайшую дискотеку. Я готовилась стать посмешищем, но Игорёк, умница, не подвёл и потряс своей верностью неимоверно. Зато запрыгал на задних лапках Олин вздыхатель, стоило Рите только подойти. Рита частично была

удовлетворена, как, кстати, и Оля, которой давно надоела внутренняя пустота в прекрасной оболочке поклонника.

– А как вздыхал! – смеялась она. – Казалось, сейчас умрёт от любви. А ты, Женя, берегись: Рита затаила злобу. Знаешь, она в чём-то права. Любовь, как и счастье, «просто бывает разного роста», помнишь стихи? И что все так на неё взъелись? И на себя посмотреть не грех. Почему ты не влюбляешься в Игорька? Тоже ищешь не только ум, но и фактуру.

Она читала мои мысли...

– А ты динамишь «одноклеточного» с одной извилиной.

– Жень, не называй его так. Я понимаю, в запале ты и покрепче можешь припечатать, но это некрасиво... понимаешь? Задевает и меня. Есть люди гораздо умнее тебя: кто тогда для них ты?

Так моя тихая бесконфликтная подружка преподнесла мне первый урок тактичности. Я-то знала, что моя самоуверенность была просто прикрытием, защитой в борьбе с комплексами, но не слишком ли далеко я зашла ради красного словца? С Ритой я переборщила, выставив полной дурой. Оля тысячу раз права. Ещё чуть-чуть, и я буду походить на тех, кто возвышается, унижая других. «Так вот, шалун мой, Ку, пора взрослеть!» – сказала я сама себе.

Моё подсознание, внутренний голос, выскочка, одним словом кураж, живущий сам по себе, был совершенно не подконтролен разуму. Выражение «язык мой – враг мой» полностью относится к нему. Но, если честно, его неистощимая энергия питала и поддерживала меня в трудные минуты. Пришла пора обуздать насмешника. Знала, не послушается: свобода слова! Мой кураж привык никого не щадить, особенно саму хозяйку. Я могла выдержать его нападки, но Оля другая. Она в своей очевидной беззащитности и открытости остаётся собой и только выигрывает.

– А мы что, играем роль? – возопил оскорблённый насмешник. – Мы тоже живём, как дышим!

– Неужели обиделся?! Не мешает побывать в шкуре тех, над кем смеёшься.

Именно тогда я впервые задумалась. Нужна ли нам эта пробивная сила, жизненная стойкость, победа в любом споре? Чем я отличаюсь от Риты, сметающей всё на своём пути великолепной грудью? Острым язычком? Вечером я снова переживала Олино замечание, сильно зацепила подруга. А скольких зацепила я?

Сон не шёл. Кто подскажет, как правильно надо жить? Чередой прошли перед глазами герои Достоевского, их сменил любимый граф, запутавшийся в рациональной и иррациональной причинности бытия; печальный Чехов – смех сквозь невидимые миру слёзы; Джек Лондон... «Выживает сильнейший». С его девизом я вышла в самостоятельную жизнь, с ним я выстроила свой путь наверх. Я шла вперёд, а, может быть, надо идти не вперёд, а в правильном направлении?

Можно просто плыть по течению, наслаждаясь миром, не тужась прорасти через асфальт естественного отбора золотым колоском. Можно, но у меня не получается жить так, как живёт Оля. И Игорёк мучается идеей справедливого мира, замахиваясь с юношеским максимализмом на всех и на всё. А мудрецы умерли, так и не постигнув до конца смысла жизни.

Не проще ли сначала разобраться в себе? Это ещё сложнее, если в голове такой сумбур. От многих знаний и печаль. Жить проще, проглотив почти все сливки мировой литературы, не удаётся, душа мечется, ищет чего-то неведомого, неземного.

Красивой Рите достаточно секса, защищённой от всех ветров Оле достаточно просто любви. Именно она освещает волшебным светом, наполняет гармонией все жизни на земле. Бог уже погладил их по голове, дав одной красоту, другой – защиту. Что ещё надо женщине?

Мне почему-то мало одной любви, мне важен и человеческий, социальный статус. Может быть, поэтому меня не коснулась Его длань? Видимо, Он посчитал, что мне самой хватит сил достичь не только женского счастья.

Моя дорога, рухнувшая от сомнений, снова обрела прежний вид, только вдоль обочины замелькали предупредительные знаки со слезой ребёнка Фёдора Михайловича, Катенькой Масловой... Их бесконечный ряд закончился издевательским прищуром «Маленькой хозяйки большого дома». Почему бы не призывный жест Ельцина? И всё-таки любимый Джек... Сознание раздвоилось: как он, или как она? Лицо Байрона медленно превращалось в лицо Серёжи, появилась Анна, поезд приближался... А, хотела, видимо, уехать... хихикнул внутренний голос и умолк. Кто я? И тело, и душа. Что мыслил Он, соединив нас вместе? Тело – частичку бытия с душой – вселенной...

Я хорошо помнила ту первую бессонную ночь. Утром тело ныло, не выспалась. Обыденная реальность проста и незатейлива. Только ночные мысли заносят в философские водовороты и фантазии, а утром они проще, и вопросы банальнее.

Говорили, что Рита устроилась в какой-то закрытый клуб, да чего только не говорили. Сексапильная и стервозная, как сложится её судьба? Не зря говорят: не родись красивой. Я ревновала, не могла не завидовать на подсознательном уровне. Что общего могло быть у неё и Сергея, была ли постель? Говорили, что он просто помогал ей с английским. После её исчезновения мне легче не стало, всё равно место возле него займёт очередная Афродита.

В глубине души я соглашалась с Ритой. Кто из нас не бросается произвольно к красивой упаковке, забывая подумать, что в скромной маленькой коробочке рядом может находиться бриллиант? Полюбите нас чёрненькими? Перебьётесь, так не бывает. Придётся долго ждать, пока кто-то постарается открыть невзрачную коробочку с надписью: «Женя», чтобы увидеть её внутреннюю ценность. И нужна ли она кому-нибудь, кроме меня? И что делать со скромностью, которая так украшает девушку, но которая так не вяжется с современностью? И что, при таком раскладе, я из себя представляю? «Комсомолка, спортсменка...» и просто хорошая девушка.

Игорёк как-то заметил, что я похожа на героиню этой старой комедии. Если бы! Но весёлого лукавства у меня не отнять, а вот ненормальную общественную активность – не мешало бы, если бы я могла без неё жить. А была бы красавицей, выгуливала бы с гордостью свою идеальную внешность по коридорам института, как королева. И никакой суеты.

– С тоски удавиться, – каркнул внутренний голос.

– Как хорошо и спокойно было жить без любви, – подумала я.

– Не ври хоть самой себе, – осадил он. – Плакатами «Хочу любить» всё внутри забито. Хотела – люби!

– Мечтала взаимно... – вздохнула я.

– Спать! – завопило внутри. – Ты теряешь себя, идиотка, с этой любовью!

Теряю... – согласилась я. – Она сломала внутреннюю гармонию, заставила сомневаться в себе, потребовала взглянуть на себя глазами мужчины. Как всё запущено!

Годы прожиты в обнимку с классиками ради главной достойной цели – богатства внутреннего мира, с вершиной морального кодекса строителя коммунизма. А о красоте внешней – чуть у Пушкина, чуть у Чехова. Только в пристяжных летела тайная мечта о принцах, а им нужно соответствовать... и не на трибунах, а на каблуках. Как пошло и низко всё это было бы ещё вчера, а сегодня Незнакомка господина Блока полностью заполнила весь экран.

Я включила свет, подошла к зеркалу и посмотрела на себя, строителя коммунизма. Всё среднее: рост только чуть выше. Грудь есть, но как у моделей Праксителя, а не как у секс-бомб, фигура со стандартными параметрами, кожа – не белый мрамор, просто есть... чёрные, как смоль, с упругими локонами волосы самой нравятся, а мужчинам подавай даже не натуральных, а крашенных блондинок. Только зелёные глаза вытаскивали из этого унылого однообразия. И всё это скрыто под джинсами и свитерком – одеждой «унисекс». Вспомнила себя, стоявшую перед зеркалом в квартире Оли в длинном платье-подарке и ощутившую незнакомое чувство воссоединения с потаённым «я». Видимо, тогда во мне проснулась женщина и удивилась своему отражению.

Стала понятней мама, которая зимними вечерами открывала створки шкафа и принималась примерять многочисленные платья и туфли. Папа начинал нервничать, наблюдая чудесное перевоплощение: из колхозницы в телогрейке и сапогах, как из невзрачной куколки, появлялась прекрасная бабочка. Только полёт её ограничивался стенами дома.

«Если всё не так, если всё иначе... Если целый мир стал для сердца тесен... Значит, ты пришла, моя любовь!» Сначала медленно подкрадывалась, а потом оглушила...

Первое заседание совета. Сергей поздравил собравшихся с началом учебного года и улыбнулся всем. В этот момент время для меня остановилось. Случилось нечто необъяснимое, словно Амур взял моё сердце в руку и нежно уколол его своей стрелой. Нежно и ласково...

Потом сознание включилось и заявило, что это злая шутка. Разве моё сердце уже не любило недостижимых актёров или героев книг? Зачем ему ещё и этот красавец?! Но вопреки всему, даже мерзкому морозящему осеннему дождю за окном, внутри меня расцвела весна, запели соловьи и душа улетела в невидимые эмпиреи.

С фигурой атлета, невероятным обаянием, любезный и общительный со всеми и не близкий ни с кем, Сергей был окружён тайной. Лорд Байрон. Он и внешне походил на поэта. Где-то я проговорила – второе имя пошло в народ.

Поразившее меня чувство дало толчок творческим талантам, газета засияла блеском новоиспечённых афоризмов и приколов, авангардизмом красок и карикатур. Только так оно и могло сублимироваться. Даже Оля ничего не заметила.

– В самого Лорда? – сказала бы она. – Не оригинально. И ты туда же...

Вскоре весна обернулась зимой, на меня напала зелёная тоска, потом снова победила весна. И так – весь третий курс. Почти излечившись от комплекса неполноценности, я чувствовала его новое пришествие. Кончилось золотое время свободного от любви сердца. Все подружки продолжали порхать бабочками по цветкам лёгких влюблённостей, постоянно обсуждать свои «смертельные» страсти, и я старалась не быть исключением, но имя Сергей навсегда стало для меня табу.

Очередное веселье в общаге:

– Девчонки, я влюбилась! Вчера в спортзале физики в волейбол играли. Там один такой... с узенькой попкой... Высокий... Жаль, ко мне спиной играл. Верите, ночь не спала. Имя! Дайте имя! Пропадаю я, – приставала ко всем Маша.

– А я знаю, но не скажу, пока твоя стильная майка не будет на мне на следующей дискотеке...

Перед дискотеками всех девчонок охватывало лёгкое тряпичное помешательство.

– Ты уже обещала кому-нибудь своё голубое платье? А джинсы? Я дам тебе зелёный костюм. Он очень тебе идёт. Замётано. Майку даёт мне Маша, я её знакомлю с её мечтой – узенькой попкой.

– А я больше ждать не буду, и сама подойду к этому гаду на белом танце!

Эмоциональный подъём держался до начала танцевальных вечеров, после них начинался «разбор полётов». Но чаще нравились одни, а им – другие. Пострадав с неделю, втягивались в новую интрижку.

После первого дня, когда стрела Амура коснулась моего сердца, я ещё некоторое время сопротивлялась её поражающему действию, но потом пришлось полностью исключить себя из общей вакханалии влюблённостей и флиртов. Всю меня заполнил единственный образ – Он.

Остальные продолжали, казалось, легко любить, шутя, жениться, даже детей рожать, а я молча несла свой крест тайной любви. Всё так же по пятам ходил, цитируя Кастанеду, Игорь, за Олей, моля о прощении, Альберт. Внешне я не изменилась, только чаще стали проявляться перепады настроений. На Сергея я сначала боялась поднять глаза и только огромным усилием воли заставляла себя быть естественной и обычной коммуникабельной Женькой, находчивой, остроумной, владеющей любой ситуацией.

Зато на литературных кружках я теперь с завыванием читала «упаднические» стихи, как их называли в недалёком прошлом, или смеялась совершенно

в неподходящем месте. С Олей мы стали реже встречаться: репетиторы по языкам съедали всё её свободное время. Так распорядился отец.

– Женя, умоляю, давай ходить к ним вместе, – упрашивала меня Оля.

– Оля, ну где я возьму такие бабки? – с сожалением отказывалась я.

– Может, мне папу попросить?

– Оля, не унижай меня спонсорством. Тебе это нужно, а мне зачем? – недальновидно возражала я.

К тому времени мы уже были извещены «свыше», что Оля на лето уедет с родителями в круиз. Оля умоляла поехать с ней, но я приказала ей выбросить эту идею из головы:

– Не делай из меня бедную компаньонку.

И она со слезами на глазах уже заранее готовилась к разлуке.

– Приходи в редакцию, мне без тебя так непривычно рифмовать всякую чушь. Пропусти сегодня свой французский, посмеёмся, как всегда, – уговаривала её и я.

Нет, она оставалась навеки зомбированной авторитетом своего обожаемого отца. Жизнь разводила нас в самый неподходящий момент. Иногда хотелось излить ей свои страдания, как раньше, с юмором и приколами, но что-то внутри меня подсказывало: смешно и просто уже не будет.

Бабушка Вера заезжала ко мне всё реже, мы пили чай, и она жаловалась на сына подруги:

– Стыдится он её! С таким трудом его вырастила, а теперь стала не нужна. А Даша всё ждёт, что пригласит нас к себе, хоть сорняки пощипать на газоне или денег подбросит. И картошку из деревни мы всю с ней съели. Ты уж не обессудь, Женя, попроси отца подбросить нам продуктов.

– Не переживай так, бабулечка, папа звонил в деканат, передал через Кира Ниловича, что привезёт нам много всего на следующей неделе, – успокаивала её я.

Теперь я чаще бывала в гостях у Кокоши: оставаться дома одной не было сил. Папа по приезде нашёл меня какой-то не такой, похудевшей окончательно.

– Доча, может, возьмёшь академический отпуск, побудешь дома, отъешься? – с беспокойством, не свойственным ему, предлагал он. – Одни глаза остались. Мама уже успела после лета соскучиться по тебе, ждёт не дожждётся на каникулы.

Зимние каникулы в деревне, вместе с Олей, ура!? Увы, особой радости от данного факта не возникло. Любовная болезнь обещала стать затяжной, но родной дом всё-таки отвлёл от неё.

Мы до упаду смеялись над двумя козлятами, которые после рождения жили в доме, и своими выкрутасами могли рассмешить даже мёртвого. К этому времени вывелись и цыплята – стайка жёлтых комочков. Вся живность носилась по комнате наперегонки: цыплята с писком, расправляя маленькие крылышки, а рядом скакали козлята, взбрыкивая и показывая чудеса виртуозности. Ещё мы ходили в дальние походы на лыжах, вдоль леса, наслаждаясь тишиной и покоем занесённых снегом просторов.

Приехали в гости к родным и мои друзья: брат Иван с сестрой Ниной. Они присоединились к нам и немного развеяли мою глубоко спрятанную тоску. У Оли даже завязался нешуточный роман с Иваном, балагуром и шутником.

Он был старше нас года на три, после школы поступил в техникум, потом устроился на хорошую работу. Сестра пошла по его пути, у неё уже намечалась свадьба. Иван превратился в стильного и интересного мужчину, который скоро должен был получить от производства квартиру, чем жутко гордился.

Олино сердце вдруг раскрылось этому простому парню по непонятной ей самой причине. Наблюдая их счастливые лица, я понимала, что такого мезальянса её отец никогда не поймёт.

– Женечка, теперь я знаю, что такое любовь. Она не выбирает принцев, она просто приходит, и у тебя вырастают крылья. Никак не ожидала встретить её здесь. А случилось, как в русской сказке. Хочется остаться среди этой красоты и любить, любить... Так жаль, что никогда не решусь на это. И как объяснить всё Ванечке?!

Два дня шёл снег, большие белые хлопья тихо падали на землю, а ночью подморозило. Утром все деревья покрылись инеем. Наш дом стоял на окраине села, и не было на снежном покрывале ни единого следа. Мы стояли с Олей на крыльце в немом восторге. Картина сказочная. Скрипнула калитка, появился Иван в белом тулупе. Сказка продолжалась. Он молча подошёл к нам, с тоской посмотрел в глаза Оли и сказал:

– Столько красоты в последний день!

Я пригласила его в дом. Стол к завтраку уже был накрыт. Иван, не отрывая глаз от Оли, пообещал зайти вечером попрощаться и ушёл.

– Я этого не выдержу, я так хочу его! Женя, свяжи меня вечером и не выпускай!

Мама достала тёплые вязаные кофты, два белых тулупчика и попросила сходить в лес за еловыми ветками для бани, потому что отец решил побаловать нас на прощание истинно русской парной.

Мы брели в огромных валенках по колено в снегу по направлению леса и молчали, боясь нарушить оглушительную тишину. Я заговорила первой:

– Оля, почему Ваня? Он простой работяга, правда, несомненный лидер и добьётся многого, но чем он лучше твоего одно... извини, Альберта?

– Не знаю... Ваня живой, а тот красивый, но похож на манекен. Почему Ваня? Не знаю. Эта природа и тишина пробудили внутри меня что-то неведомое и потаённое. Жень, я хочу конкретного мужчину впервые в жизни, – прошептала

Оля. – Именно Ивана, кажется такого же первозданного и чистого, как всё вокруг. Я жду вечера и жутко его боюсь, мистически чувствую, что только он моя половинка на этой огромной земле. И ещё... только не смейся... он напоминает мне артиста Вячеслава Тихонова.

Если бы она узнала о моём чувстве к Лорду, точно бы рассмеялась. А какие они на самом деле?

– Ну, что ты молчишь? – спросила Оля, дёрнув меня за рукав.

– Думаю... Ваня – Тихонов?! Тот, который разведчик или тот, который колхозник? У него много ролей. Ты и впрямь в мистическом бреде...

– Всё-таки не удержалась от колкости. Ты просто привыкла к нему с детства, а ты присмотришься.

Пока мы шли домой уже с ветками ели, я всё больше и больше находила сходных черт. Вот какой ты, Ваня, в глазах своей любви. А кого он видит в Оле? Наверно, просто её саму, фею мечты и романтики. А ведь когда-то и я чуть-чуть была влюблена в сильного, справедливого Ваньку, сумевшего стать лидером ещё в детстве.

Сначала пошли в баню мама с папой: мы бы не выдержали первых огненных струй пара, насыщенного мятой и еловым ароматом. Стол заранее был накрыт, потому что для папы баня была священнодействием. Папа обязательно осыпал себя и маму снегом после парной, как бы она не возражала. После бани они садились за стол и долго чаёвничали. Мама пила чай с мёдом, а папа – свои настойки.

Пришла и наша очередь. Оля впервые улеглась на полку и сразу разомлела. Я стегала её белое тело веником, и оно становилось красным. Впервые я видела румянец на лице феи. Потом и мы осыпали себя снегом из ведра и от души повизжали.

– Женя, ты иди, а я полежу пока здесь, без пара, продлю благодать. Повторится ли она ещё когда-нибудь?

Мы уже перепились чаем, папа перепробовал все настойки, а Оля не приходила. Я выглянула на двор и остолбенела. Темень непроглядная, небо усыпано звёздами, на скамейке возле бани сидит моя подружка в распахнутом на груди тулупчике, а перед ней стоит на коленях Иван. Пришлось тихо нырнуть обратно в дом.

Папа с мамой ушли спать. Я забралась на широкую лежанку в светёлке и задёрнула занавеску. Не было для меня на всей земле более уютного места. Столько книг было прочитано здесь, пролито слёз, испытано печалей и восторгов. Что же будет с Олей?! Тихо скрипнула дверь, и моя загулявшая подружка предстала передо мной во всей красе.

– Я уже хотела идти и спасать тебя. Хорошо, что папа быстро сморился и заснул. Залезай и рассказывай!

Оля счастливо вздохнула и зашептала на ухо:

– Представляешь, я только вышла из бани, едва запахнувшись, как появился Ваня. Я от неожиданности хлопнулась на скамейку. Спасибо твоему отцу, очистил её от снега, иначе бы моя попа оледенела. Ваня встал на колени, распахнул тулуп, потом кофту... Такое блаженство, Женя! Шёл пар, а он целовал мою грудь, я становилась женщиной от одних поцелуев... Потом... мы очутились в бане. Мне больше никогда не испытать такого... Я не могу остаться с ним. Почему я не могу?! Я умру без него.

– Оля, не надо драмы. Вернёшься в Москву, созвонитесь и встретитесь... Я рада за тебя. Завидую невероятно!

Мы шептались почти до утра и даже плакали, таким был накал наших девичьих чувств.

Первыми уехали мы, обещая поддерживать связь. Иван твёрдо был уверен, что этим летом поступит в институт, получит квартиру и приедет за Олей. Знал бы он, что она будет, скорее всего, колесить в это время по странам и континентам. Оля не стала его огорчать: зачем портить прекрасный мир возникшей любви.

Время всё расставит на свои места, и кто знает, возможно, произойдёт чудо, и они встретятся вновь. Такой прозрачно-хрустальной и сверкающей Оли я

не видела никогда. Меня же все каникулы не покидала мечта когда-нибудь пройтись по моим родным лесам и полям со своим любимым. И чтобы это был Он.

Весной, перед сессией, на последнем литературном кружке, куда я ходила уже одна, без Оли, Кокоша попросил меня задержаться.

– Женя, я слышал, что Оля уезжает на лето к своим родителям. Какие планы у тебя, если не секрет? Ты изменилась, повзрослела как-то.

– Планов на лето никаких, Кир Нилович. Оля уезжает в круиз, а я, естественно, поеду в деревню...

– Если так, то у меня есть хорошее предложение. В прошлом году, когда ты со своей стаей улетела в деревню, был организован трудовой лагерь, как раньше стройотряд, – сообщил он. – Все очень довольны результатами: хорошо заработали и весело провели время. Сейчас снова идёт запись, от желающих нет отбоя. Руководит всем Сергей Ежов, это его инициатива. Он человек серьёзный и ответственный, бывший «афганец».

Я развесила уши и покрылась нервным румянцем.

– Так вот, – продолжил Кир Нилович, – я могу тебя рекомендовать. Ты хороший организатор, а художества твои веселят весь институт. Трудиться будете в бывшем совхозе-миллионере. Получишь деньги и купишь себе дублёнку, а то ходишь в курточке всю зиму.

Я с подозрением посмотрела на него: неужели он о чём-то догадался? Взгляд без хитринки, сплошное сочувствие.

– Сергей хороший руководитель и человек ответственный. Судьба у парня тяжёлая, отец погиб, он мать содержит... Короче, я ему доверил бы свою дочку, соглашайся. Там единственное место, где сегодня студенту можно прилично заработать.

Моё сердце захлебнулось от невероятной удачи, тушка остолбенела, потом ожила и бросилась на шею Кокоше.

– Спасибо, Кир Нилович, вы спасли меня от верной гибели... следующей зимой, – и я ещё раз обняла его.

Потом я полетела на крыльях счастья к Оле и повисла уже на её шее:

– Оля, я на всё лето еду со стройотрядом «в деревню, к тётке, в глушь», – и закружила её по комнате.

– Не понимаю, – недоумённо глядя на меня, произнесла она, – я думала, что появился, наконец, в твоей жизни принц. Последний раз предлагаю поехать с нами в круиз, папа согласен!

– Мне кажется, что они хотят побыть только с тобой, и ты очень соскучилась по ним, я же знаю.

– Ты права, но мне хочется порадовать и тебя, отдых будет шикарный! Соглашайся... – уже без надежды закончила она.

– Оля, спасибо тебе, твоему отцу за приглашение, но решение своё я не изменю. Нет.

– Остаётся только позавидовать. Всё лето проведёшь в компании, тусовка обещает быть классной... и без меня, – на её глазах заблестели слезинки. – И от Вани только десять открыток, зато ему подключили телефон! Мы по ночам играем в любовь, – призналась она, краснея. – Ещё у него наклёвывается возможность работать в Подмосковье, пока в командировках, и ещё он будет учиться заочно на инженера. Ради нашей любви Ванечка готов горы свернуть.

– Видишь, как всё хорошо. Плюс к этому и полмира увидишь.

– Подружки, к столу, пончики прямо дышат, хватит секретничать! – позвала нас никогда не унывающая бабушка Настя.

Это были наши последние денёчки вместе. Через три недели Оля улетела в далёкую Австралию и, как оказалось, навсегда.

Это лето самое яркое воспоминание из прошлой жизни. Сейчас мне надо уйти, убежать именно от него, я дошла до запретной границы.

Что-то есть таинственное в этом мире: раздался телефонный звонок и вернул в настоящее.

Звонил Кир Нилович:

– Женя, не пора ли тебе вернуться к людям? Я очень беспокоюсь! Ты уже неделю не подаёшь признаков жизни. Забежала на минутку и исчезла, а мы не уезжаем на дачу, ждём. Сегодня не приму никаких отговорок, и Кира с утра хлопочет на кухне. Обсудим положение вещей и конкретно твоё среди них. Жду!

– Ну, вот я снова у вас, мои любимые, – раздевшись и обняв обоих стариков, сказала я, прошла в знакомую до боли кухню и села на старый диван.

Кир Нилович и Кира Ниловна уселись рядом, не отрывая от меня глаз, полных сочувствия. Первым заговорил Кокоша:

– Во-первых, мы с Кирой приносим свои соболезнования, скорбим вместе с тобой. Почему-то ты не приняла моё предложение о помощи, и я немного обижен. Мы не чужие друг другу.

Глаза Кокоши повлажнели, а Тотоша, молча, обняла меня за плечи.

– Спасибо, мой дорогие. Я сама справилась. Баба Даша помогла, я только деньги дала. На поминки пришли многие с бабушкиной работы... Её любили и уважали... – я уже не могла сдержать слёз. – Я должна была приехать пораньше... Нет ничего безнадежней смерти, и мне никогда не искупить своей вины... это самое страшное открытие. А обман папы с мамой?

– Кашу сама заварила. Но выход всегда есть!

– Помню: даже когда тебя съели, – я улыбнулась сквозь слёзы. – Всё. Я взрослая женщина, а распустилась, расплакалась, как маленькая. На девять дней ходили с бабой Дашей на могилку: цветы прижились, памятник я тоже заказала вместе с оградкой. Пора приступать к вашему проекту, Кир Нилович.

Тотоша неожиданно кинулась к духовке:

– Заслушалась я вас и про пирог совсем забыла! Кир, вы с Женечкой идите в зал, пока я с пирогом разберусь.

Мы переместились в зал. Кир Нилович вздохнул и посочувствовал мне:

– Жизнь снова не оставляет тебе времени на скорбь, дитя моё. Свою задачу я выполнил: нашёл спонсора. Он готов закупить и отправить компьютеры в интернат, даже подключить, но не в том объёме, о котором ты мечтала. Вот телефон, бери дальнейшее в свои руки. По поводу работы тебе должны были позвонить. Помнишь, беленькая такая? У неё отец с мохнатой лапой.

– Звонила, даже более того – вытащила меня в московский свет. Лучше бы я осталась навсегда в своём интернате. Так тошно стало, Кир Нилович. Всё изменилось и в тоже время – ничего! Произошла, по сути, революция, но кто был всем, тот им и остался. Вскормили по-тихому скакунов в своих конюшнях, объявили народу о переменах и тут же, оседлав их, стали бесстыдно красоваться в первых рядах. Кто что охранял, тот это и присвоил, под флагом свободы и демократии. Руки опускаются, когда смотришь на их вечный праздник.

– Женечка, всё справедливо, исторически. Кто были твои предки? Крепостные. А ты уже кандидат наук. Растёшь! Ну и они, дети советской элиты, тоже растут. Кто ж откажется от выгодного и уже достигнутого положения? Не завидуй им, а работай и тяни свою родословную веточку вверх, начиная с себя.

– Тяну, потому что знаю: выживает сильнейший. Дарвинизм чистой воды. Это так далеко от прежних идеалов, вбитых даже не в голову, а во всё наше существо. Далеко и ужасно.

– Ничего ужасного не вижу. Стать умным и сильным, не обязательно хитрым и коварным, это прекрасно. Быть впереди, на коне, что в этом позорного, если шёл честным и трудным путём? На что ещё тратить жизнь, не забывая и про любовь?

– Разве я против успеха, если по трудам нашим. А если от папеньки, на блюдечке? Мила, как раньше, так и сегодня порхает бабочкой в садах Семирамиды...

– Красиво жить не запретишь, но помешать можно, – Кокоша захихикал.

– Бегал в юности в поисках справедливости, и сейчас на артритных ногах ковылял на баррикады, мешал. Только не понятно кому! – прокричала из кухни Тотоша.

– В твоё отсутствие, сама знаешь, что было у нас. И я грешен, кричал «за» и «против». Самая образованная страна в мире встала на дыбы, у каждого своя идея. Вместе с народом метался от одного знамени к другому, пока голова не закружилась. Самое смешное, что у поводырей не было чёткой и выверенной идеи. Высшая партийная школа показала всему миру свою слабость и никчёмность. Лихорадка прошла, осталось понимание: для народа никогда ничего не изменится к лучшему. Всё вернётся на круги своя, только тяжёлый период восстановления после бури. Конкурса в наш институт не стало. Педагоги бегут в челночный бизнес, на рынки торговать, чтобы выжить. Институт сдал площади в аренду, открыл новые коммерческие факультеты, благодаря чему и держится на плаву. Наше руководство приспособились удивительно быстро. Завидовать – только усугублять свои болезни.

– Да задушу я эту змеюку в себе. Легко! Просто я так мечтала передохнуть, чтоб набраться сил и начать всё с нуля.

– Женя, ты меня, признаться, огорошила своим желанием сразу устроиться на работу. После того, как ты осыпала нас деньгами, я подумал, что ты – Рокфеллер и будешь отдыхать всё лето.

– Я тоже так думала, Кир Нилович. Удивительно, как быстро Москва очистила все мои карманы. Сама не ожидала. Кладбище, где похоронен муж бабушки,

закрыли. Даже рядом с могилкой мужа места не дали. Оказывается, за деньги – нашлось. Фабрика, где работала она, перешла в частные руки. Бабу Дашу, обратившуюся к хозяину за помощью, послали следом за подругой к Богу в рай. Все, кто помнил и любил бабулю, нищие пенсионеры. И, тем не менее, мы проводили бабушку в последний путь достойно.

– Ты мечтала расширить свои «апартаменты»...

– Мечта пока останется мечтой. Оказывается, что до возвращения в Москву я была молода и глупа, – пошутила я. – Зато все долги отдала.

– И твой презент нам тоже считать отданным долгом? – растерянно спросил Кир Нилович.

– Кир Нилович, что вы такое говорите? В нём все те подарки, которые я хотела, но не смогла подарить вашей семье на все торжества за долгие шесть лет. А свой долг... его мне не отдать до конца жизни. Только благодаря вам интернат имеет столько спонсоров!

– Евгения Викторовна, хватит петь дифирамбы и делать из меня благодетеля! Это я отдавал долги своему интернату, который летел в пропасть. И это я предложил тебе попробовать спасти себя, спасая других. Прости, молод был и глуп!

Последняя фраза, не смотря на сердитый отчёт, рассмешила:

– У вас, молодой человек, получилось.

– У тебя получилось, – улыбнулся и Кир Нилович. – У тебя, в первую очередь. А я, повторяю, отдавал свои долги и казнил себя за то, что послал живого человека, считай своего ребёнка, проверить на деле пусть и умный постулат.

– Он сработал.

– Пока он срабатывал, меня моя совесть чуть не загрызла. Делал, что мог, чтобы спать спокойно. Какой из меня благодетель... – вздохнул учитель.

Я знала, как тяжело давалась ему помощь нам. У него появилась семья, сын, и это в такое голодное время, в таком возрасте. В следующем году семьдесят лет исполнится. Будь у меня миллион... Но я отдала их семье столько, сколько было... Крохи.

– Кир Нилович, родной, клянусь – больше никаких дифирамбов. Смените гнев на милость. Я, как старшая дочь, просто преподнесла вам подарок, а вот подарок малышу, – я притащила из коридора огромную коробку, перевязанную бантом. – Мечтаю с ним встретиться, если позволите.

– С трудом, но выкрутилась, – хитро улыбнулся Кир Нилович. – Спасибо. А своего тёзку Евгения увидишь позже. Они с Любашей всё лето на даче. Приглашаю в гости.

– Сгорю от любопытства, если не приеду.

– А денежную проблему решим, – успокоил меня Кир Нилович.

– Устроюсь на работу, и сама её решу. Просто я собиралась прилететь в Москву только в конце сентября, получив полный расчёт – целое богатство. Оказалось, что оно для столицы – черта бедности. Эта сказка хороша, начинай сначала. Недавно я раздувалась от гордости за себя, а сейчас моя самооценка упала ниже плинтуса, как говорят сейчас.

– Ты не одна такая, весь народ на коленях. Но выживаем – народ не уничтожить.

– Ещё как уничтожить! Рожать перестали, зато смертность на первом месте. Самые слабые утонули в нищете, многие из них совсем спились и бросили детей на произвол судьбы. Сирот становится всё больше. Мне очень хотелось научить своих детей выживать по-человечески. Ночами не спала, искала слова, изобретала формулу успеха для каждого по его способностям, да чтобы не утратили чести и достоинства. Но, как воспитывать в детях нравственность, если они видят, что в жизни успех приходит к тем, кто на неё наплевал?

– Страшная картина! Волки и овцы! – продолжил тему Кир Нилович, сделав испуганный вид, явно пытаясь разбавить её юмором. – Ты ещё не знаешь, сколько развелось лис?! Сутенёры, аферисты, секты, наркодилеры...

– И всем им нужны рабы... – продолжила я без доли юмора. – Пришлось рассказывать детям об опасностях, которые могут встретиться в их взрослой жизни. Представляете, некоторые тайно мечтают стать знаменитыми бандитами и интердевочками. Откуда залетело это в их головы, если мы им показываем только хорошие фильмы? Иногда кажется, что все наши усилия напрасны, потому что жизнь за стенами интерната уводит их совсем в другую сторону. Мы не терем связь с выпускниками, но и это не всегда помогает. Сил не хватает...

– Да, силы убывают, а у меня сын ещё совсем маленький... И что, сдаёмся?

И снова мой гуру щёлкнул мне по носу. Поделом. Жаловаться стыдно. Но иногда так хочется поплакаться в жилетку. Хочется, но не старикам же?!

– Кир Нилович, маленький сын обязывает вас жить до ста лет! И это плюс. Мой квартирный вопрос закрылся сам собой, значит, ответ искать не надо. Работа к сентябрю найдётся. Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»!

– Вот такой настрой мне нравится, и квартирный вопрос тебя уже не испортит. В Москве – это область чудес...

– А временная и хорошо оплачиваемая работа разве не из этой области?

– Временная, как и постоянная работа, на данном историческом этапе страны никакое не чудо. Ты сама ещё не осознала, насколько ты подготовлена к современной жизни в столице, как менеджер высочайшего класса по работе с детьми любых возрастов. Можно открыть свой собственный детский сад. Правда, придётся поискать спонсора или взять кредит, если строить самой. Есть возможность создать такой на базе расформированных ведомственных. Сначала берёшь в аренду, потом выкупаешь. Знакомая жены руководит одним из таких и процветает. Потом существует репетиторство, три доллара в час! Выбирай.

– Кир Нилович, я никогда не думала о таких вариантах, и к репетиторству я как-то не готова.

– Честолюбие мешает? Пора менять сознание, мне поздно это делать, а тебе в самый раз. Пойми, государства, которому мы служили верой и правдой, уже нет. Новый строй ещё долго будет формироваться, демократия – дело длительное, не то, что диктатура. Сегодня приюты нищенствуют, школы

в Москве живут беззастенчивыми поборами, высшая школа – взятками. А что делать? Каждый выкручивается, как может. Я рад, что ухожу: противно смотреть на всё это безобразие. А у тебя есть перспектива, и я попробую её расширить...

– Убедили! Я уже согласна на место репетитора, только оно может появиться не раньше сентября, даже если обращаться в агентство.

Мне стало легче. Как это я сама не додумалась? К чёрту амбиции: надо снова работать сутками, только теперь уже не ради благой цели, а ради презренного нала. Такова новая реальность.

– Женя, я всё-таки против временной работы! – сказал Кир Нилович. – Смотрю на тебя и вижу, что отдых тебе необходим. Репетиторство – это на крайний случай. Твой потенциал выше. На День учителя получишь звание, потом я представлю тебя мэру. Ты была в метро? Видела, сколько там нищих детей, просящих милостыню? Это твоя будущая работа. Даже не работа, а призвание.

– По поводу звания и мэра – слишком самоуверенно.

– Я узнавал. Бумаги уже подписаны. Эх, не хотел раскрывать тебе все карты. В зелёной зоне Москвы готовится к сдаче новенький интернат. Если встреча с мэром пройдёт благополучно, то все твои проблемы решатся.

– Что-то вы, Кир Нилович, рановато подались в мечтатели. Интересно, к званию прилагается денежная премия? Раньше ни за что бы не спросила, а сегодня для меня это важно: столько детских заказов хочется исполнить.

– Компьютеров будет достаточно. Разбаловала ты их, поэтому и денег нет, – заворчал мой любимый Кокоша. – И мой план – реальность. Временная работа только повредит тебе. Сосредоточься на спонсоре, на проекте, мой тебе приказ! А поскольку Рокфеллер теперь я, то и деньгами могу помочь!

После такого заявления я не могла сдержать смех, заразив им и учителя.

– Кир Нилович, вы неисправимы! Раньше, как ни зайдё, слышала: Юрочке, Танечке надо помочь. И сегодня ничего не изменилось. А Любаша с тёзкой,

естественно, отдыхают на чужой даче.

– Не на чужой, а у друга, – поправил меня он, вытирая платочком набежавшую от смеха слезу.

Из кухни подала голос Тотоша:

– У меня всё готово, сейчас будем пить чай, потом альбомы смотреть и видеокассету про наш, Женечка, интернат.

Зазвонил телефон, Кир Нилович поднял трубку. Чтобы не мешать разговору, я пошла на кухню к Тотоше. На круглом столе всё тот же большой фарфоровый чайник с душистым чаем, домашние печенья, пироги... Сейчас позвонят в дверь, и через минуту в квартиру ввалится толпа студентов... среди них Оля со своим обязательным тортом «Прага». На глаза навернулись слёзы. Что-то в последнее время я готова расплакаться в любую минуту.

– Кира Ниловна, как хорошо мне снова быть с вами. Как ваше здоровье, как дела в институте у Кира Ниловича?

– Уходит он из института, Женя, теперь уж точно совсем. Будет только консультировать аспирантов. Да и сколько можно? И юбилей на носу, – ответила она. – И твои, Женя, деньги нас выручили. Теперь профессор в новой жизни почти никто, если взятки не берёт и в долг не даёт. Исчезли почти все, кто раньше заходил к нам запросто. Мы не в обиде – такие времена. Кир растерян, но виду не показывает.

– Да, раньше у вас было столпотворение, зато теперь меньше суеты. Неужели никто не звонит, даже перед юбилеем?!

– Что ты, Женя, звонят, заходят... самые его любимые... От дачи не отказывают... Но я всё равно счастлива. Теперь наши с Киром мечты сбылись. Тебе мой совет: хватит планировать, всего не предусмотреть. Разучились мы доверять судьбе. Может быть, зря.

– Вы, как всегда, правы: семена посеём, будем ждать всходов и хорошей погоды, но удача мне совсем не помешает. А сейчас не терпится посмотреть альбом!

– И о чём можно так долго говорить по телефону?! – посетовала Тотоша. – Бог с ним, с Киром. Я сама тебе всё покажу и расскажу!

Я закрыла последнюю страницу альбома и сказала: – Малыш чудесный!
У Любаши такое милое доброе лицо...

– Они оба наше с Киром счастье, Женечка.

– Девочки, пейте чай без меня, – сказал Кир Нилович, заглянув на кухню. – Меня вызывают в институт ненадолго. Женя, дождись моего возвращения.

– Кир, мы же собирались смотреть видео... – Тотоша явно расстроилась.

– Смотрите без меня, потом ещё раз посмотрим вместе, – крикнул из коридора Кокоша.

– Рад каждому звонку из института, готов по любому пустяку бежать туда, – вздохнула Тотоша. – Давай смотреть фильм без него.

– А как вам наш интернат? – спросила я Тотошу после просмотра.

Кира Ниловна просто обняла меня:

– Ты, Женя, молодец. Вернулась со щитом. Ты никогда не будешь жертвой, запомни! Просто не сможешь.

Мы пили душистый чай и наслаждались музыкой. Казалось, что нет больше тревог и печалей, только прекрасная музыка и ожидание чуда.

Какого чуда... Я вздохнула и подумала, что надо обзвонить всех кружковцев, напомнить им о юбилее учителя. Их звонки будут для него самым лучшим подарком. Мила по секрету сообщила мне радостную весть: Кира Ниловича ждёт достойная награда, приуроченная к его юбилею.

Как всегда, после посещения Крокодилчиков во мне проснулись новые силы. Будем брать быка за рога. Всё будет хорошо! «Думать только о хорошем», – твердила я себе по дороге домой, купив в киоске журнал с предложениями

работы. Завтра посмотрю, что предлагает Москва педагогам, кроме мест в школах с символической зарплатой. Да, я менеджер, но мой опыт работы «узкой специализации», как говорил сто лет назад Райкин. Где и когда я промахнулась, почему сегодня не на празднике жизни? И как отвратительно безделье, которое вынуждает задавать себе глупые вопросы, заглядывать в прошлое... Студенческий стройотряд...

Оля улетела в Сидней. А мы, девочки из стройотряда, уже расстилаем матрасы на полу в местной совхозной школе. Многим предложили поселиться к сельчанам, многие не преминули этим воспользоваться, так как это означало комфорт. Всех приятно удивила красота и порядок в селе: асфальт, розарий возле сельсовета. Дом культуры, в котором сосредоточилась жизнь села, вмещал в себя библиотеку, кинозал, почту. В магазине не было дефицита продуктов!

Только десяти девчатам, в том числе и мне, мест не хватило, зато школьный класс превратился в уютную коммуналку, что казалось романтичнее и веселее. Да, смеялись всё лето.

Четыре отряда под предводительством командира построились на берегу заросшей ивами речки. Все дома в селе были построены с видом на неё, и почти каждый дом имел свою пристань.

Серёжа прибыл с директором всего агрокомплекса, который включал в себя несколько сёл с молочным комбинатом, птицефермой, цехом по переработке мяса, копильней. Глядя на маленького круглого невероятно обаятельного человечка, не верилось, что именно он руководит этой огромной сельской машиной.

– Колобок, – шепнула я стоявшей рядом Маше, одесситке, с которой мы давно нашли общий язык. Как только я посмела? Всё лето уважаемый, даже очень уважаемый человек провёл с этим несолидным именем.

Работы для нашего студенческого десанта Колобок нашёл предостаточно. Ребята занялись ремонтом Дома культуры и коровников, девчата – прополкой.

– Для культурных мероприятий предоставляю для вас пока пустующий ангар-зернохранилище. Думаю, он вам понравится. Главное: мне остаться довольным вашей работой, а вам – своей зарплатой, как и в прошлом году. Здесь я вижу многих, кто уже был у нас. Желаю хорошо потрудиться и прекрасно отдохнуть, – закончил приветственную речь наш кормилец. Все захлопали.

– Разрешите сезон «Лето – лето» считать открытым! – подвёл итог командир.

Стемнело. Все собрались у костра. Выяснилось, что у многих ребят гитары и безграничный творческий потенциал. Каждый жаждал блеснуть эрудицией, потом решили сочинить первую песню. Никто не остался безучастным, каждая новая рифма валила всех с ног. Смеялись до колик в животе. Первые летние вечера, запах жасмина, цветущего луга вдоль берега речки, и свобода! К часу ночи своей песни так и не сложилось, заорали хором всем знакомую: Сидели мы у речки у Вонючки...

Серёжа сидел поодаль, за спинами ребят, и я могла незаметно наблюдать за ним. Пламя костра освещало любимое лицо. Вдруг он повернул голову, встретился со мной глазами, как-то беззащитно улыбнулся, встал и, подмигнув мне, провозгласил:

– И это будущие учителя. Какой позор! – но тут же, не выдержав менторского тона, рассмеялся вместе со всеми. – Лучше бы гимн сочинили для каждого отряда.

– Серёга, будь проще. Спой нам лучше свою любимую, – раздались голоса.

– Нет, я уж прозой скажу вам простые слова. Дети, пора спать! Завтра сбор в семь часов. За час я должен предъявить отрядам конкретные графики работ и развезти по объектам. Уж не взыщите, господа студенты, примите как осознанную необходимость. Работа договорная: сколько сделаете – столько и получите. Надеюсь, я не ошибся в вас, когда брал в стройотряд.

Все стали потихоньку расходиться. День был перенасыщен впечатлениями, и, действительно, пора было спать.

Засыпая, я долго удерживала в памяти беззащитный взгляд Сергея. Откуда у самоуверенного и сильного ковбоя высветилась такая, прямо сказать, «неприличность»? Он улыбнулся мне, пело сердце. Ночью снился Оцеола с лицом Байрона и пионерским горном. Он поднёс его к губам, горн запел человеческим голосом: «Я люблю тебя!» Проснувшись я совершенно счастливой. Все уже встали.

– Доброе утро, соня, – пропела Маша.

– Утро добрым не бывает, – потягиваясь, ответила я.

– Ой, ой! Мышь! – вдруг завизжала она и прыгнула ко мне на постель.

– Поймай мыша и ешь, не спеша! – голосом диктора провозгласила я. – Что-то спросонья рифмой поносит...

– Женька, не тошни меня с утра, – заныла Маша.

– Маша, ты – чистая Одесса, пахнешь морем и смехом.

– Благодарю, хотя стилистика хромает. Духи, что ли, такие: «Море смеха»?

– Женя, тебя Лорд вызывает, – сообщила девушка, пришедшая с улицы.

– Я уже успела искупаться и зайти в контору, а вы всё спите.

– А кто это Лорд? Собака?

– Тебя что, поднять подняли, а разбудить забыли? Сказал: «мигом!»

Сердце моё заколотилось: может, сон в руку? Перепрыгивая через лужи (оказывается, прошёл ночной дождь), я побежала в контору. Там матерился Колобок. Перед ним, опустив глаза, стояли два рослых мужика с помятыми мордами. Совковое прошлое благополучно перекочевало в капиталистическое настоящее. Знакомая картина.

– Кто будет распахивать картошку, мать вашу? Сейчас студент с кочергой попрёт...

Мужики что-то пытались объяснить.

– Меня не волнует причина, растуды вашу качель!

Рядом, еле сдерживая смех, сидел Сергей.

– С наступившим вас похмельем, господа мужики. Не перепились ещё богатыри на Руси-матушке! – приветствовала я присутствующих.

Все уставились на меня. Колобок побагровел. Открыл рот и... сказал вдруг совершенно спокойным голосом:

– Не суй взнос не в своё дело, – и добавил, глядя на трактористов: – Прошу, ребята, не передавайте никого. И чтоб как... – он не договорил и, косо посмотрев на меня, обратился к Сергею: – Вот эту красавицу и возьми на место Раи.

– Кто такая Рая и зачем мне её место? – заволновалась я.

– Спокойно, Женя, я Тимур! Рая ушла в декрет. Работала учётчицей. Помнишь, у Ленина: учёт и контроль? Это ещё не всё...

Сергея перебил Колобок:

– Ну, я поехал в банк, а вы тут разбирайтесь: кто учёт, а кто контроль. Вечером проеду по объектам сам, посмотрю, кого ты привёз мне на этот раз, – и как-то боком, стараясь не задеть стулья, вышел.

– И покатился Колобок дальше, – прокомментировала я его уход.

– Доведёт тебя язык до киллера, Женя, Женечка. Да! А где твоя Катюша, твоя вторая половина? Без неё ты смотришься как-то однобоко.

– Во-первых, не Катюша, а Оля. Во-вторых, – грустно сказала я, – она далеко, за морем-океаном, и учитывать она будет не человеко-часы, а трупы падающих к её ногам поклонников по всему миру.

– Грусть вам не к лицу. Вы теперь начальник учётного отдела, художник-оформитель, редактор газеты и массовик-затейник. Оговорился, извини: главный режиссёр театра на колёсах. Выше нос, девушка, вас ждут великие дела. Очень на тебя надеюсь. Поточишь свой язычок о чьи-то косточки.

– И всё это на плечи одной бедной девушке?! – возмутилась я.

– Ну, тогда вперёд с тяпочкой... Зарывай талант в грядочки!

– Согласна, согласна, – поспешила я с ответом. – И вас, сэр, на рифмы потянуло?

– Я не ошибся, записывая твою фамилию последней. Сейчас поведу тебя по объектам и научу считать, а писать, рифмовать и рисовать ты и сама умеешь, даже меня заразила, – он действительно взял меня за руку и, как маленькую, вывел из конторы. Меня бросило в жар, но пока Сергей запирает дверь на ключ, я пришла в себя. Недалеко стоял шикарный мотоцикл, на нём мы и поехали по отрядам.

Начало было ленивым везде. Серёже удивительно быстро удалось привести всех в чувство. В конце называлась сумма оплаты за законченный объект, и этого было достаточно, чтобы ребята поняли – не сидеть им часто у костра. Работать придётся по-настоящему.

Вторым номером выступала я, сообщая на ходу придуманный план:

– Не надо печалиться! У нас есть выходные, во время которых и повеселимся. Творчество будет коллективным: готовьте заметки о притеснениях и тирании, придумывайте номера к будущему конкурсу талантов... – идеи били ключом. – Лучшим артистам будет вручён приз на сумму... – и, засмеявшись, я

вопросительно посмотрела на Сергея.

– Пока могу обещать просто «на сумму», – сказал он, усмехнувшись, и шепнул мне в самое ухо, – подводишь под монастырь.

– Не ожидал такого энтузиазма даже от тебя, – добавил он, когда мы ехали обратно, – просто вулкан идей. Спасибо, помогла, подняла настроение всем.

– Сергей, а Колобок, правда, так хорошо заплатит? Я думаю, именно этот факт так обрадовал всех. Так что спасибо тебе, что нашёл это Эльдorado и привёз нас в него.

– Будем считать, что обменялись поклонами. Рад, что не грустишь. Кир Нилович боялся, что без любимой подружки это случится, просил поддерживать тебя, свою любимицу.

Значит, это не он сам, это Кокоша, чуть не плакала я, укладываясь спать. Уставшие девушки тоже шутили вяло. Первый трудовой день скосил всех в десять вечера. Виданное ли дело: летом ложиться спать в такую рань?!

– Чем меньше мальчиков мы любим, тем больше времени на сон, – услышала я сквозь наступающую дрему Машину утешительную реплику.

– Как много дней прожито без интима, – вздохнула Катя. – Мужчины косяком, и мимо, мимо...

– Хватит господина Вишневского перевирать, – возмутился голосок девушки, знатока популярного поэта. – Женя, пора в субботу устраивать великие смотрины: у девушек гормональный взрыв!

– Тише. Она уже спит. Неужели не устали? Всё она вам устроит! – сказала Маша и погасила свет.

Серёжу не цепляли никакие крючки девчат, что очень меня радовало. Собирая материал для первой «молнии», я пошла с утра по отрядам. Девушки первого отряда на вопрос «Как вам руководство?» мгновенно пропели:

Сергей – желанная мечта,

Наша любовь, наша звезда.

Как всегда, подумала я с тоской. Вы каждый раз по-новому банальны, как сказал знаменитый остро слов.

Все были довольны всем, газета обещала быть серой. Мне необходимо было блеснуть, но мой фонтан не работал. Клыкастый Колобок злобно смотрел на пьяниц с сизыми носами, изображённых в виде богатырей, стоящих на коленях с просьбой: «Колобок, Колобок, не ешь меня!» Пошловато, серо. Гвоздём должны стать частушки. Скетч «Красота – страшная сила руководства», возможно, зацепит всеобщего любимца. Мне было грустно сознавать нелепость своей любви в этом общем ряду. Что ж, красота принадлежит всем, как сказал классик.

От невесёлых мыслей отвлёк приход в сарай-клуб местных девчат. Они тоже жаждали танцев и кавалеров. Вместе мы быстро привели всё в божеский вид. Снопы соломы превратились в оригинальные скамейки по периметру «бальной залы», в прекрасные сухие огромные букеты; был принесён и повешен сохранившийся блестящий шар для дискотек. Оставалось изготовить плакаты со слоганами, и моя работа примет завершённый вид. В конторской кладовке я нарыла старые плакаты и два дня малевала на обратной стороне слоганы.

Дальше моя стратегия была направлена на поиск главной составляющей дискотеки – музыкальной аппаратуры. Местные девчата с сожалением сообщили, что старая аппаратура из Дома культуры сломана, и только после ремонта Колобок обещал купить новую. Но выход есть. Сын Колобка, общеизвестный меломан и поэт-песенник, таковую имеет! Вывод напрашивался сам. Вечером я поделилась проблемой с Машей:

– Маша, возлагаю на тебя высокую миссию: выследить и очаровать, потом склонить молодого сына поделиться с коллективом главным своим сокровищем.

– Да она уже очаровала его, и когда только успела? – сообщили девчата, услышав наш разговор.

– Это такой упитанный типа Карлсона? Да, он вчера угостил меня вечером пивом. Так это и есть сынок? Тогда прекрасно: в нём ощущается харизма... Но! Полюбит ли меня, сынок, как пиво? Кстати, у него есть и караоке. Отец привёз из Японии ещё при нашем недоразвитом социализме.

– Женя, а почему не выйти прямо на Колобка? Обещай ему концерт по сёлам.

– Аппаратура у сына, с ним и надо говорить.

– А он назначил тебе, Маша, свидание? – спросила Галя.

– Я не обещала, что приду. Мне больше импонируют загорелые мускулистые мачо с обжигающим взглядом темных глаз. Мечты и реальность, как далеки вы друг от друга. В реальности есть сынок, если убрать пяток кило, то...

– Маш, ради нас снизь свою планку требований, умоляем! Если влюбится, то все килограммы может потерять. Действуй! Мы уже все наметили себе жертв.

– Согласна. Буду пить его харизму, пока не влюблюсь, по вашим заявкам. Женщина по нынешним временам должна сделать всё, чтобы мужчина посадил дерево, построил дом и выдавил из себя сперматозоид. Займу активную социальную позицию для вашего блага, и о своём не забуду.

Засыпая, я перебрала в памяти свой личный опыт. Он оставлял желать лучшего, ибо всему виной был папин рай – деревня, пропитанная вековым пуританством и, тем не менее, плодившаяся и размножавшаяся со страшной силой. Все проходы к свободному выражению любви были загорожены сидящими на скамеечках старушками с просвечивающими, как рентген, глазками. Они знали всё, и не дай бог попасть к ним на язычок.

– Ентот-то к Людке ходить повадился, а Сонькина Танька сохнет по нему, бегают, выслеживает. А ента, говорят... стыдобища... – шептали старушки про девчонок, которые и поцеловались только несколько раз.

Мальчики провожали девочек с танцев – говорили: они дружат. Все скамейки у домов до глубокой ночи были заняты парами. Я дружила с девочкой, у которой было три брата. Старший Иван, предводитель «дворянства», опекал свою единственную сестру и заодно меня с необыкновенным рвением: шаг влево – расстрел.

– Мам, ну скажи этому придурку, чтобы отстал! Все уже перецелованы, а я ещё девственница, ребята боятся подойти!

Я жутко завидовала их отношениям с мамой, а ту уважали и звали Прокурором. Все бабские свары она разрешала иногда двумя фразами, которые потом шли в народ. Присказки, анекдоты, страшные мистические и смешные истории, разбавленные матерком, помнятся до сих пор. И дети пошли в неё: лидерство было у них в крови.

По вечерам перед танцами собирались у них в избе огромной толпой и резались в карты на вылет, так как мест всем не хватало. Обычно Иван докладывал итоги предыдущего ночного обхода деревни:

– Нинка с Женькой вчера после танцев куда-то намылились. Я за ними дошёл до конца улицы. Их нет, зато у последней хаты на скамейке сидят... вот на таком расстоянии, – он широко развёл руки, давясь смехом, – Вера и Коля и... спят! Два часа ночи! Умора. Вот какая любовь!

Откуда ему было знать, что многие мальчики очень стеснительные. Обычно они удерживали девочку, чтобы просто подольше посидеть с ней рядом, а на первый поцелуй ещё надо было решиться. Вот так и сидели, молча думали друг о друге, пока не заснули. Такая вот любовь.

Это был седьмой класс. Помню свой первый поцелуй... Касание губ было таким нерешительным, как дуновение ветра, обволакивающего чувством невыразимой нежности. Именно нежность рождалась в сердце, когда я читала «Тимур и его команда», потом «Мальчики», именно нежность – незрелый росток будущей любви к противоположному полу. Все остальные взрослые книги о любви служили лишь увлекательной информацией.

Дружба с Олей тоже не продвинула моё либидо в сторону роста. Инфантильную в жизни, её до поры до времени устраивала теория, а не практика и в любви. Моя программа «Путь наверх» исключала легкомысленность в этом вопросе. Я должна была состояться, во что бы то ни стало, я не должна была позволить вопящим тупым гормонам сбить меня с выбранного пути. И прекрасная фея Романтика требовала любви с большой буквы. О том, чтобы разменять её на квартиру и прописку в Москве, достигнув таким путём сомнительных вершин, не могло быть и речи. Уже многие с нашего курса так устроились и были совершенно счастливы.

Вот с таким багажом я встретила свою долгожданную любовь. Тяжёлая, неповоротливая, присыпанная сверху гордыней и комплексами одновременно, совсем не похожая на «мобильный кейс» Маши, весёлой и задорной, позволяющий с лёгкостью лавировать в столь интимном для меня «материале».

«Только бы не проколоться!» стало главной моей задачей, вместо лёгкого, воздушного: «Иду на Вы, моя любовь!»

С детства очень эмоциональная, даже экзальтированная, я начала вырабатывать в себе печоринскую невозмутимость и холодное безразличие, отстранённость от пошлости бытия. Удавалось это с трудом – через край била энергия детской открытости и коммуникабельность. Быть похожей на Веру из «Обрыва», чахоточную «Даму с камелиями» и, наконец, прекрасную Незнакомку Блока мне не тоже не очень удавалось, зато клоунада липла, как банный лист к заднице.

Во мне родился и зажил самостоятельной жизнью беспардонный внутренний голос, который стремился стать единственным и главным. В девушке из хорошей семьи! Я с трудом его укрощала, после чего он начинал грызть меня.

Противоречия терзают не одну юную душу. Может, в глазах любви я увижу свой окончательный облик и обрету гармонию? Кого он увидит во мне? «Любви единственной ждём как чуда», вспомнила я слова любимой песни из кинофильма, а когда она приходит, начинаем страдать.

И как добиться высокого положения в обществе, реализовать себя по полной программе такой романтической дуре, как я? «Рим требует не слов, не слёз, а полной гибели всерьёз», сказал мудрец. Жизнь требует сильной воли, концентрации на главной цели, а природа юности требует только любви. Как

найти золотую середину? Хочется потерять голову от любви и одновременно разумно двигаться к выбранной цели ради самореализации. Я повзрослела, а моя душа всё ещё металась между реальностью и фантазиями.

Днём я два раза столкнулась с Сергеем. Я знала, что он загружен по горло: были проблемы с подвозкой стройматериалов. Первый раз он затормозил возле меня на своём железном коне и попросил проверить работу на коровнике. Я как раз шла туда: надо было начинать составлять программу будущего концерта, а вечером представить готовый к открытию клуб-сарай. Караван-сарай! Как воспримет Сергей мои труды? Я не успела рта раскрыть, как он рванул вдаль.

Загаженный коровник предстал передо мной белым лайнером. Внутри, спасаясь от солнца, сидели довольные окончанием работы ребята.

– Вот это я понимаю! Пришёл, увидел, побелил! Будете на первой полосе Си-Эн-Эн, господа!

– Нам, госпожа, пивка бы лучше.

– Увы и ах, сухой закон. Но... к вечеру девчата приготовили хмельной квас. Только это тайна.

– Ну, девчонки, молодцы! А мы – могила.

– Собственно, я пришла за номерами.

– С номерами? Как раз вовремя, давай показывай, – загоготали ребята.

– С юмором, вижу, у вас всё в полном порядке. Рассказывайте...

И начался обвал. Что только приходит в голову нашим ребятам? Хохот стоял гомерический, и в этот момент в дверях нарисовался мой идол. Второй раз

за день!

– Где Женя, там смех, ничего другого я не ожидал. А вы, ребята, сделали свою работу на совесть. В сроки уложились. К сожалению, на основном объекте провал, потому что сорвался график подвоза стройматериалов. Завтра перебрасываю вас на станцию. Вагоны подошли, будете их разгружать. Сейчас можете идти в баню. Колобок, – он косо посмотрел на меня, – Михайло Потапыч истопил её ради вас. Баня находится на берегу реки возле его дома.

Ребят как ветром сдуло. Сергей улыбнулся, завёл мотоцикл и сказал мне, оставшейся в одиночестве:

– А теперь поедem смотреть твою творческую работу, мешочек со смехом.

– Не делай из меня клоуна, командир. Это ребята придумали потрясающие скетчи, а мне чужой славы не надо, – равнодушно, как мне показалось, сказала я, садясь сзади на мотоцикл.

– Не обижайся, солнышко ты наше, держись покрепче.

Глупая улыбка расплылась на идиотском от счастья лице. «Солнышко, возьми себя в руки! – приказала я себе. – Приготовься к равнодушию...» Это у меня стало неплохо получаться, только не надо поддаваться на пошлые провокации. Сергей скоро сам имел идиотский вид, читая моё творчество на плакатах.

«Ноу смокинг! – без смокингов не курить! Потапыч и Минздрав предупреждают!»

«Реабилитационный центр „Сарай“ принимает всех, контуженных непосильным физическим трудом и гарантирует полное излечение за один вечер!» «Юноши и девушки! Смело обалдевайте друг от друга!»

На новеньком помосте, который собрали ребята вчера вечером сверхурочно, Маша подключала аппаратуру. Сына Колобка не было видно. Наверно, в бане, решила я. Сергей стоял уже у газеты. Сейчас будет разнос за Колобка и Красавца... но он только улыбнулся. Для вечера у меня были приготовлены ещё несколько крутых плакатов, но это будет сюрпризом.

– Славненько ты потрудилась. Поехали ужинать? Подброшу творца слоганов.

– Сергей, можно уже сегодня провести дискотеку? Все этого ждут.

Он только кивнул в знак согласия.

– Спасибо, а в столовую мы с Машей придём попозже.

В столовой его ждали новые афоризмы: «Приятного аппетита! Чем шире наши морды, тем теснее наши ряды». Возле холодильника надпись гласила: «Хоть ночь тиха, котлеты лучше спрятать».

Ещё я решила напиться квасу и изменить! Но изменить любящему тебя человеку просто, а как изменить не любящему? Этот философский вопрос занимал мои мысли, пока мы заканчивали дела с Машей. Не пора ли лечить себя от этой фанатичной страсти? Надо отойти, подсказывало измученное сердце.

– Решено! – вслух сказала я.

– Что решено, с дискотекой? – спросила Маша. – Тогда побежали в столовую, повесим объявление.

И мы поскакали сообщать долгожданную весть.

Вечер начался поздно, все были приятно удивлены антуражем, то и дело раздавались возгласы: «Ну и Женька!» Смех звучал с приходом каждой компании, все были возбуждены квасом. На сцене появился Сергей и объявил:

– Дамы и господа, первый летний бал считайте открытым!

– Ура! – раздалось единым воплем.

– Ещё одно пожелание. Я вижу здесь местных гостей. Давайте жить дружно, как прошлым летом.

Сынок врубил музыку, и началось... Вторым номером был объявлен белый танец – по многочисленным просьбам... Девчонки спешили расхватать намеченные жертвы. Сергей сидел рядом с сыном Колобка и о чём-то с ним разговаривал. На белом танце Маша шепнула мне: – Я к Костику.

Оказывается, у сына есть имя? Я демонстративно вышла на улицу. Здесь тоже было на что посмотреть. Наши ребята перемешались с местными, рычали и кружились, демонстрируя себя, байкеры на своих блестящих мустангах, и небо было звёздным...

Многие нерешительные девушки тоже вышли на улицу и, заметив меня, поспешили выразить восторг по поводу организации вечера:

– Мы, тая морковку, думали, что ты быёшь баклуши, а ты молодец, здорово всё придумала, теперь скучать не будем.

– Жень, мы приготовили несколько номеров для концерта, когда ты сможешь посмотреть?

– Приходите после работы в караван-сарай, возможно, у нас появится караоке, и вы отрепетируете песни.

– Караоке?!

– Чудесную вещь привёз из Японии Колобок, новинка даже там, – я попыталась объяснить, а потом спросила, – Не скучно жить в частном секторе?

– Вот теперь будет не скучно: есть куда пойти. Спасибо тебе.

– Женя, с тебя глаз не сводит такой мулатистый! Смотри, смотри, он рулит прямо к нам! Как он мне нравится! – завопила шёпотом Галя.

Я огляделась вокруг. Сергей тоже вышел. Он стоял почти рядом, с кем-то увлечено разговаривая. Рядом зарычал мотоцикл. «Юноша пылкий со взглядом

горящим» лихо затормозил возле меня и протянул руку в краге. Шум стоял невообразимый, и это, видимо, означало: «Мадам...» или «Эх, прокачу!»

– Ну, Женька, держись! – заволновались девчата, гадая, соглашусь или испугаюсь?

Вот она, месть! Шальная кровь авантюрных предков ударила в голову. В один миг я очутилась сзади на мотоцикле и крепко обхватила обнажённый, загорелый до черноты торс юноши. Вечера стояли душными, под кожаной курткой не было даже майки.

– Меня зовут Влад, – обернувшись ко мне, почти прокричал он. – Не бойся! – и дал газу.

Ветер рванулся навстречу, задрал лёгкую шифоновую юбку, обнажив ноги аж до трусиков. Мне было уже всё равно. Волосы рассыпались по плечам, мы помчались навстречу звёздам. Этого полёта в ночи не забыть никогда.

Я пришла в себя, когда мы на большой скорости, но благополучно затормозили возле караван-сарая. Девчонки бросились ко мне:

– Жень, как? Не страшно?

– Великолепно! – заявила я, сияя.

Моё очумелое и одновременно восхищённое лицо говорило само за себя. Ребят на мотоциклах девчонки расхватили в один миг.

– Не слишком ли круто даже для тебя? – каким-то незнакомым голосом произнёс Сергей, неожиданно оказавшись рядом. Лицо его было бледным и жёстким.

– Не бойся, командир, мы ребята серьёзные, не обидим, – ответил за меня Влад. – Хочешь ещё? – спросил он меня.

Я только кивнула, и мы снова умчались в ночь.

– Достала, достала! – пело у меня в груди. Никогда не видела у Сергея такого лица.

А вдруг я частичка его общего поля ответственности? Тогда смешны мои ужимки и... Почему так избирательны чувства? Почему только он? Надо отдалиться: судьба даёт мне шанс проверить своё чувство. Да будет так! Прочь страдания, которые могут стать очевидными, и я окажусь очередной безутешной идиоткой. Только не это. Первый шаг должен сделать мужчина, это вбито в меня ещё в мезозойскую эру. И пусть мир изменился, но я не буду маячить на чужих дорогах, молить о любви, как нищая!

Почти весь месяц каждый вечер Влад увозил меня всё дальше и дальше от моей безответной любви. Переполненная эйфорией скорости и ветра, я замертво валилась в постель и снов не видела. Прощай, Серёга!

Я стала избегать встреч с ним. Приходила в контору раньше него и оставляла на столе очередную докладную записку о проделанной работе. Её становилось всё больше. С утра я бегала по объектам, записывая всё, что нужно было для работы на завтра; если у ребят был перекур, то собирала заметки для очередной газеты или вновь придуманные приколы.

По вечерам в караван-сараях яблоку негде было упасть: все репетировали номера к концерту или жутко дурачились, воя под караоке. Только появление командира было сигналом закругляться, причём с молчаливого согласия обеих сторон.

Неделю я не видела Сергея вообще, он куда-то исчез. Но этот факт не повлиял на работу, которая на всех участках на самом деле была очень тяжёлой, но её выполняли, не выбиваясь из установленного графика. Как всегда, перед сном Маша доводила всех до смеха своими шутками. Свои я выплёскивала на бумагу, поэтому на устное творчество сил уже не хватало.

– В его глазах читается: «семь классов», – рассказывала Маша о местном трактористе, приударившем за ней после приличного возлияния.

– Мы наблюдали все его пассажи, он, девочки, земли не видел, только Машин бюст!

– К нам тоже клинья подбивал.

– А я из сказки Леля отхватила... Сама себе завидую. И что с того, что комбайнёр? Здесь школа есть, построим дом...

– А я, девчонки, люблю без памяти... без памяти... кого?

– Что-то Женька молчит. Медведь в лесу, видно, сдох. Влюбилась, что ли? Она одна осталась в этом вертепе... стойким оловянным солдатиком.

– Солдатик в сказке влюбился, а она – Снегурочка, от огня боится растаять.

Как точно, подумала я.

– Влюбилась, влюбилась, такого парня отхватила, самого красивого, если не считать нашего Лорда, – вдохнула Катя.

– Смотри, Женька, не загреми под фанфары! – предостерегла Маша. – Мой Костик уже делает намёки.

– Не загремлю, он комильфо, интеллигент в пятом поколении. Здесь в деревне сублимирует, выжимает из себя излишки воспитания. Фанат самого Явлинского, поэтому я в полной безопасности, если не считать одного: он так многозначительно молчит, что хочется самой раздеться. Заинтриговала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/val-en_tina/nachalo-vseh-nachal

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)